№ 92

ЦЕНА 10 СЕНТОВ.



DIELO TROUDA

— ОРГАН —
ФЕДЕРАЦИИ РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ.

ИЮЛЬ-АВГУСТ 1936 г.	"Dielo Trouda", 3122 N. Mason Ave., Chicago, Ill.	12-й год издания

АЛЕКСАНДР БЕРКМАН

(Род. 18 ноября 1870 г. — Умер 28 июня 1936 г.)

Из ниженапечатанного письма тов Эммы Гольдман наши читатели могут узнать все подробности трагической смерти Александра Беркмана, поэтому не будем касаться этой стороны.

Мы уверены, что в ближайшее время товарищи и соратники Беркмана полно и всесторонне осветят его личность, размах его революционной деятельности, установят роль и значение его работы для анархического и революционного рабочего движения Америки и для нашего интернационального движения, и тогда мы постараемся ознакомить наших читателей с этими работами. Сейчас же мы имеем в виду, после коротких биографических данных, остановиться на той части жизни и деятельности Беркмана, которая связана с русской революцией и потому представляющая большой интерес для наших читателей.

Беркман родился в бывшей царской России и получил образование в г. Вильно. Российские условия заставили Беркмана эмигрировать в страну "свободы", в Соединенные Штаты, куда он прибыл безусым юношей. В Штатх он примкнул к анархическому движению, созданному в значительной мере Иоганном Мостом.

Молодой Беркман находился под сильным впечатлением Чикагской Драмы. Будучи от природы натурой впечатлительной и отзывчивой, Александр Беркман не мог перенести второй рабочей трагедии—избиения бастующих рабочих в Хемстеде наемными бандитами. За смерть рабочих Беркман посчитал, и правильно, ответственными стальных магнатов Фрика и Андрю Корнеги. Он решил взять на себя роль мстителя и убить Фрика. Покушение оказалось неудачным. Беркмана схватили и осудили на долгие годы тюрьмы. Двадцатиоднолетним юношей Беркман перешагнул тюремный порог и провел в тюрьме 14 лет. Тюрьма оказалсь для Беркмана не только местом ужасной пытки, но и университетом. По выходе из тюрьмы он написал свои знаменитые воспоминания: "Тюремные воспоминания анархиста", произведшие сильное впечатление на американскую общественность.

Послетюремный период жизни А. Беркмана в Америке был заполнен редактированием, в разные периоды времени, анархических журналов "Мать Земля" и "Взрыв", активным участием в рабочем движении и устной пропагандой анархизма. Правительство Вильсона снова засадило его в тюрьму на 2 года и 7 месяцев и пыталось пришить его к делу Муни и Биллингса. Беркман часто говорил, что демонстрация русских рабочих Петрограда перед американским посольством в 1917 году спасла его не только от бесконечной тюрьмы, но и дала ему жизнь.

Беркман вместе с Эммой Гольдман с энтузиазмом приняли депортацию их в

Советскую Россию, пламенными защитниками которой они были.

В России Беркман и Эмма обманулись. Они нашли там совершенно противоположное тому, что рисовало им их пылкое революционное воображение. Революция усиленно душилась большевиками, их единомышленники преследовались с жестокостью во много раз превосходившей жестокость истеричной американской буржуазии в годы войны.

Не хотелось верить. И Беркман долго не мог этому верить. Он всматривался, вдумывался, искал оправдания жестокой действительности, но не мог найти. Кронштадтское восстание и наша голодовка и последовавшее за ней изгнание нас заграницу, наконец, убедили Беркмана, что в России творится величайшее социальное преступление и что большевики величайшие преступники в истории.

Александр Беркман посчитал своей священной обязанностью стать на сторону революции и народной свободы против контр-революции, искусственно драпирующейся в тогу самой крайней революции; он посчитал своей священной обязанностью разоблачить "большевистский миф" перед международным пролетариатом и всеми средствами помочь тем подлинным революционерам, сторонникам подлинной социальной революции, которых большевики, по примеру царского правительства, но с большей жестокостью, сажали в тюрьмы, гнали в ссылку и даже расстреливали. В 1921 году он с Эммой Гольдман покинул Россию. Став человеком без "отечества", Беркман ни в одной стране не был желательным гостем — в Швеции, Германии, Франции его пребывание ничем не было защищено от произвола и происков правительств. Несмотря на такие "цыганские" условия жизни заграницей, Беркман прежде всего энергично принялся за создание фонда помощи русским анархистам и анархо-синдикалистам, находящимся в большевистских тюрьмах. Начал пропаганду, разоблачавшую большевистскую действительность. Благодаря его активности, американский журналист Дон Левин имел возможность опубликовать книгу на английском языке: "Письма из русских тюрем", с отзывами многих выдающихся людей многих стран.

Своими брошюрами: "Кронштадтское восстание", „Русская Трагедия", „Анти-Климакс" и книгой "Большевистский Миф", Беркман раскрыл перед английской читающей публикой подлинный контр-революционный лик большевизма и тем способствовал правильной революционной ориентации международного пролетариата. В этом огромная заслуга Беркмана перед русской революцией, перед русским анархическим движением и перед всем международным революционным рабочим движением. И они, мы уверены, никогда не забудут этих его услуг.

Международное Товарищество Рабочих уже теперь назвало его именем фонд помощи русским политическим заключенным, который ныне называется — **Фонд помощи политическим заключенным и ссыльным анрахистам и анархо-синдикалистам России имени Александра Беркмана при Международном Товариществе Рабочих.**

Перед свежей могилой нашего товарища и друга, мы, в знак нашего уважения, склоняем наши головы и даем обещание с железной неприклонностью продолжать его и наше общее дело, дело борьбы за право и возможность построить новый лучший мир, мир анархического, свободного коммунизма.

Г. Максимов.

Последние часы Александра Беркмана

Сан-Тропе, Франция
12-го июля.

Дорогие товарищи, только две недели прошло с тех пор, как любимый товарищ, Александр Беркман, оставил сей мир, а для меня это — целая вечность. Удар, нанесенный мне его преждевременной смертью, сразил меня совершенно.

Мне трудно собраться с мыслями, но я уверена, что вы хотите знать все о кончине Саши. Разве вы его не любили и не ценили втечение всех протекших лет!

Саша оставил записку, которую мы нашли, вернувшись с места его последнего упокоения. Вот как она читается:

"Я НЕ ХОЧУ ЖИТЬ БОЛЬНЫМ И ЗАВИСИМЫМ ЧЕЛОВЕКОМ. ПРОСТИ МНЕ, ДОРОГАЯ ЭММИ, А ТАКЖЕ И ТЫ, ЭММА. КЛАНЯЙТЕСЯ ВСЕМ. ПОМОГИТЕ ЭММИ.

САША".

У меня имеются два письма тов. Александра Беркмана, датированные 24 и 26 июнем. Он писал, что не чувствует себя достаточно здоровым, чтобы приехать в Сан-Тропе 27-го июня, — (67-ой год со дня моего рождения), — но что состояние его здоровья не такое серьезное, чтобы беспокоиться. В субботу днем, 27-го, тов. Александр Беркман позвонил мне по телефону из Ниццы, чтобы лично передать мне все его пожелания ко дню моего рождения. Он сказал мне, что чувствует лучше. У меня были тов. Майкель Кон с семьей и один очень преданный английский друг. Мне и в голову не пришло, что мой доро-

гой старый товарищ находится в какой бы то ни было опасности.

В воскресенье, около 2-х часов ночи, ровно две недели тому назад, я была разбужена телефонным звонком — звонили из Ниццы и просили немедленно приехать. Я сейчас-же поняла, что наш товарищ близок к концу, но не о таком конце я подумала. Для того, кто не имеет своего автомобиля, сейчас-же выехать из французской деревни абсолютно невозможно: нет ни поезда, ни автобуса и нельзя достать такси. Мы вынуждены были ждать три с половиной часа, пока достали первый автобус в Ниццу, и провести три четверти часа в дороге. Это были самыми ужасными, самыми мучительными часами в моей жизни.

Войдя в квартиру Саши, мы нашли Эмми, (подруга его жизни последних 14 лет) такой потрясенной, что она едва могла рассказать о случившемся. В конце концов, мы выяснили, что состояние здоровья Саши приняло дурной оборот, и что перепуганная Эмми побежала искать доктора. В это время Саша пустил себе пулю в грудь. Об этом Эмми узнала только лишь тогда, когда Сашу увезли в больницу и когда полиция арестовала ее по подозрению в убийстве. Наш мужественный товарищ обладал такой силой воли, что он не подал и вида, когда Эмми вернулась, что он совершил попытку покончить с собой. Она нашла его в кровати прикрытым одеялом, которым он накрылся сам, чтобы скрыть от нее рану.

В маленьком французском городке достать доктора — не легкое дело (это показывает насколько эта страна отстала): Эмми взяло несколько часов, пока пришел этот жалкий человек. Пришел он слишком поздно. Найдя револьвер, он дал знать полиции и госпиталю и Сашу увезли в карете скорой помощи.

Сейчас-же, по приезде, мы пошли в госпиталь и нашли Сашу в полном сознании, но он так страшно страдал от боли, что не мог говорить. Он узнал нас. Мы пробыли у него до после полудня. Когда, около 4-х часов, мы опять пришли в госпиталь, мы уже застали Сашу в бессознательном состоянии и он больше не узнавал нас и мне хотелось думать, что он уже не чувствовал болей. Я оставалась при нем до половины девятого вечера и предполагала опять придти в 11 часов, чтобы быть при нем всю ночь, но нам сообщили, что он умер в 10 ч. вечера в воскресенье 28-го июня.

В его письмах от 24 и 26 июня и в его разговоре со мною по телефону он был неизмеримо далек от мысли о самоубийстве.

За последние три месяца, после второй операции, ему пришлось переживать страшные боли и, повидимому, последняя атака исчерпала все его силы и привела его к этому критическому моменту. Тов. Беркман всегда говорил, что, если ему придется переживать непосильные боли, он покончит с собой. Возможно, что он не сделал бы этого в эту фатальную ночь, если бы я или кто нибудь из других его друзей были около него. Расстроенная Эмми должна была бежать за доктором и некого было оставить с Сашей, и она, очевидно, не поняла серьезности момента. Саша имел револьвер, который носил при себе с момента освобождения из тюрьмы и он нашел мужество положить конец своей агонии. К несчастью, ему пришлось мучиться целых 16 часов, ибо пуля, пройдя через желудок, застряла в нижней части легких и парализовала его ноги.

Наш товарищ всегда выражал желание, чтобы после смерти тело его было сожжено. Это было также моим и Эмми желанием, но в Ницце нет крематория, ближайший крематорий был в г. Марселе и расходы, как нам говорили, обошлись бы в 8,000 франков. Саша оставил после себя страшно большую сумму — всего 80 долларов, и те, как только выяснилось, что Саша умер, были задержаны французским правительством, преследовавшим его и гнавшим с места на место. Никто не мог получить эти 80 долларов и, помимо того, не было возможности выполнить его желание. В сущности, он, вероятно, был бы против того, чтобы тратить на сожжение его тела 8,000 франков; он сказал бы, что живые больше нуждаются в этих деньгах, чем мертвые. Но характерно для проклятой системы то, что она грабит мертвых также, как и живых.

Никто никогда не узнает какие, унижения и страдания пришлось переживать нашему дорогому товарищу во Франции: 4 раза он подлежал высылке, потом ему давали разрешения на три месяца, потом на шесть и только, — о, ирония из ироний, — за две недели до смерти продлили на целый год. И вот, когда Александр Беркман мог наслаждаться отдыхом и спокойствием, он, истерзанный операциями и ужасными страданиями, был уже слишком измучен, чтобы жить.

Во время нашей жизни в Южной Франции, мы познакомились там со многими английскими и американскими друзьями. Они не анархисты, но они очень уважали Сашу и привязаны ко мне. Они принесли цветы, чтобы отдать последнюю дань уважения Александру Беркману.

Шолом Аш с сыном и один очень преданный французский товарищ были вместе с нами. 30-го июня мы, в скромном числе, препроводили нашего товарища к месту его последнего упокоения. Никогда еще не следовала за гробом лучшая любовь и лучшая преданность...

Что касается меня самой, то вместе с товарищем в могилу ушла лучшая часть моей жизни. Смерть отняла у меня возможность быть с другом моей жизни до его последнего вздоха, но она все-таки не помешала мне пробыть с ним несколько моментов в мертвецкой.

В эти моменты глубокой тишины и покоя я думала о нашей непоколебимой дружбе и нашей борьбе и работе за идеал, за который Саша столько страдал и за который он отдал всю свою жизнь. Эти моменты пребудут во мне до последнего вздоха. Эти моменты, проведенные в мертвецкой, вдохновили меня на продолжение той работы, которую Саша и я начали 15 августа 1889 г.

Я понимаю ваши чувства по отношению к нашему чудному Саше. Ваши телеграммы и письма, которые я уже получила, доказывают вашу преданность и любовь к нему. Я знаю, что ваше уважение к покойному не уменьшится от того, как он положил конец своим страданиям.

Наша печаль велика. Нет слов, чтобы выразить нашу потерю.

Соберемся же с силами и останемся верными пламенному духу Александра Беркмана.

Будем продолжать борьбу за новый и прекрасный мир.

Будем работать за конечную победу анархизма, идеал, который он страстно любил и в который верил всеми фибрами своей души.

Только таким образом мы можем почтить память одного из честнейших и мужественных товарищей в наших рядах.

Ваша Эмма Гольдман.

МОСКОВСКИЕ БОЛЬШЕВИКИ АРЕСТОВАЛИ ЦЕНЗЛ МЮЗАМ — ВДОВУ ЗАМУЧЕННОГО ФАШИСТАМИ ПОЭТА-АНАРХИСТА ЭРИХА МЮЗАМА.

Международное Товарищество Рабочих выступило перед интернациональным пролетариатом со следующим сообщением и обращением:

Недавно мы получили из Москвы письмо, извещавшее нас, что Креженти (Цензл) Мюзам, вдова нашего товарища Эриха Мюзама, внезапно исчезла.

Около года тому назад Цензл отправилась в Москву, где она надеялась организовать издание произведений Эриха Мюзама. Большевики, как известно, извлекают пользу из всего, поэтому вначале Цензл Мюзам получила все знаки почета и интереса. Но Цензл не упускала случая публично и в частных разговорах заявлять, что Эрих Мюзам был и остался анархистом. Будучи уверена, по своей наивности, что московские большевики вполне искренни в своих симпатиях к ней, она вручила манускрипты Эриха „компентентным властям".

После этого она... исчезла.

Елена Стасова — лицо, хорошо знающее большевизм, друг и соратник Ленина, председатель "Красной Интернациональной Помощи" и друг Цензл Мюзам, — была ее единственным путеводителем в Москве. Она была единственной, на которую можно было адресовать запрос, чтобы узнать, что случилось с Цензл. Что и было сделано. Стасова ответила в чекистском стиле всех кремлевских придворных следующее: „Посылайте на меня все, что вы хотите ей сказать и я немедленно передам ей". Во втором письме Стасова, избегая отвечать на прямо поставленный вопрос, пишет, что она ничего не может сделать и что следует обождать.

Мы никак не могли допустить такой подлой гнусности, но через несколько дней мы узнали определенно, что Цензл Мюзам арестована и брошена в тюрьму. В какую именно тюрьму она брошена нам не говорят сознательно.

Так Сталин ознаменовал вторую годовщину убийства Эриха Мюзама гитлеровскими бандитами. Сталин и Гитлер отдают свои руки на убийство преданных революционеров и на удушение голосов их жен.

Арест Цензл Мюзам — это подлая трусость, позор и оскорбление.

Сталин и Гитлер еще раз показывают насколько они способны на самые гнусные преступления. И как те, которые убили Эриха Мюзама два года тому назад, так и эти, которые бросили в тюрьму Цензл Мюзам несколько недель тому назад, одинаковым образом угнетают революционную мысль.

Общественное мнение не должно быть инертным и безнаказанно оставлять такие ужасные преступления. Если мы протестуем против ужасов гитлеризма в Германии, то мы не должны забывать протестовать против таких же преступлений в России. Неслыханная трусость Елены Стасовой, вонзившей нож в спину своего друга, служит уроком для всех тех, которые, в своей приверженности к России, все еще считают, что через милость „друзей" можно защититься от мелочной мести всемогущих чекистов.

Цензл Мюзам должна быть освобождена и ей должно быть предоставлено право выезда из России.

Мы обращаемся к рабочим всех стран: Протестуйте против новой попытки уничтожить свободу мысли! Шлите телеграммы протеста в советские посольства и консульства! Организуйте манифестации за немедленное освобождение нашего товарища.

Международное Товарищество Рабочих

Испания, кровью омытая

Встанет-ли Испания, кровью омытая, к новой свободной жизни без бога, без диктатора и без хозяина или, кровью залитая, снова будет пригвождена к кресту неволи, эксплоатации, барского измывательства „родовой“ сволочи и одуряющей лжи рати Христовой?

Вот —вопрос, который встает сейчас, на четвертой неделе гражданской войны, перед каждым: перед буржуа и перед рабочим.

Попробуем разобраться в сложной обстановке испанских событий и оценить их значение.

Уже много лет Испания представляет собой кипящий котел социальных страстей. Теперь эти страсти дошли до предельной точки кипения и расплескались по всей стране в виде гражданской войны, с каждым днем принимающей все больше и больше характер социальной революции, определенно стремящейся очистить Испанскую землю от прогнившего зловонного исторического мусора — католического поповства, родовитого барства и золотопогонной военной касты, и от язвы современного социального развития — от империалистической буржуазии, пока еще слабой и чахлой в Испании, но столь же зловредной как и в других странах.

Разбойничий союз креста, меча и рубля, господствовавший в стране на протяжении столетий, задержал прогрессивное развитие народа и поверг некогда цветущую и высококультурную страну в темную бездну бесправия, нищеты и бескультурья. Страна не раз пыталась выкарабкаться из этой бездны, но всегда неудачно, и только революция 1931 года вытащила ее из бездны, поставила на широкий путь и показала народным массам необ'ятные горизонты возможного социального прогресса, свободы и экономического благополучия.

Исторический отрезок времени от революции до настоящей гражданской войны, в общем и целом, есть ничто иное как растянувшийся на несколько лет подготовительный к решающей социальной битве период, на протяжении которого, в результате крупных и мелких столкновений и битв, окончательно сложились и размежевались действующие ныне силы, партийные и классовые группировки и их комбинации.

Каковы же эти силы? Каков их вес и значение в происходящей гражданской войне? Каковы их цели и куда они поведут страну в случае победы?

На данной стадии международного экономического и социального развития, размежевание общественных сил в Испании, как и во всех остальных странах, идет по линии классовых интересов. Это деление по классовому признаку приводит к образованию трех основных социально-политических категорий. Общество, как целое, распадается, употребляя избитую политическую терминологию, на ПРАВЫХ, ЦЕНТР и ЛЕВЫХ, которые в свою очередь, по вариации классовых целей, распадаются внутри себя на различные партии, группы и союзы, образуя, по признаку большей или меньшей радикальности программы и тактики, правые и левые крылья, которыми каждый сектор упирается друг в друга.

ПРАВЫЙ СЕКТОР испанских общественных сил состоит из аристократии — верхний „родовитый“ слой дворянства, из землевладельцев-помещиков, в огромном большинстве принадлежащих к дворянскому сословию, из офицеров, сплошь дворянско - аристократического сословия, из католического духовенства, являющегося в Испании крупным землевладельцем. Этот классовый сектор распадается на ряд партий — монархическая партия с двумя фракциями; карлисты и бурбонисты, фашисты, во главе с Примо де Ривера, полуфашистская католическая партия Хозе Мария Гил Роблеса, политически неоформленый генералитет и кадровое офицерство. Это — силы реакции, тянущие страну назад: или к монархии, или к военной диктатуре, или к фашистской империи гитлеровского типа. Костяком этого сектора несомненно является католическая партия Гила Роблеса; она — основная сила реакционного блока. Но все они, включая и партию Роблеса, несмотря на сильное влияние католицизма на испанские народные массы, особенно на женщин, не имеют серьезной поддержки в народе и блестяще провалились на последних выборах в кортесы, они буквально были сметены партиями „народного фронта“.

ЦЕНТР, центральный сектор испанских общественных сил состоит из промышленной, торговой и финансовой буржуазии, из интеллигенции и части мелкой ремесленной и торговой буржуазии, мещанства, и части зажиточных крестьян. Центристы стоят за „демократическую“ республику, узаконяющую диктатуру буржуазии в „мягких“ парламентских формах. Центристы в свою очередь распадаются на правых республиканцев - радикалов, во главе с бывшим премьр министром Леру и бывшим президентом республики Замора. Они желают кооперировать, и кооперировали, с силами реакции. Центр и левая этого сектора с теперешним президентом республики Аванья и председателем парламента Баррио входят в „народный фронт“,

кооперируют, и готовы это делать в дальнейшем, с умеренными социалистами фракции Прието. Они готовы на „самую левую" республику без потрясения, конечно, основ частной собственности и без подрыва гегемонии буржуазии. В своей ненависти к левым социалистическим, главным образом к анархическим и синдикалистским элементам, они вполне солидаризируются с силами реакции.

ЛЕВЫЙ СЕКТОР испанских общественных сил состоит из пролетариата города и деревни, из бедных и трудовых крестьян и из деклассированной интеллигенции. Этот сектор распадается на две равновеликие части: на социалистически - коммунистическую часть и на анархически - синдикалистскую. Первая состоит из партий, групп и союзов марксистского толка: коммунисты-сталинисты и коммунисты-троцкисты, синдикалистская партия, организованная бывшим анархистом Пестанья, исключенным несколько лет тому назад из Национальной Конфедерации Труда, затем Социалистическая Партия и Всеобщий Рабочий Союз. Первые три группировки ничтожны и не имеют существенного значения в совершающихся событиях. Главную силу социалистическо - коммунистической части левого сектора составляют Социалистическая Партия и контролируемый ею Всеобщий Рабочий Союз, профессиональная организаця рабочих, насчитывающая в своих рядах свыше полумиллиона членов. Социалистическая партия Испании ничем не отличается от социалистических партий всех остальных стран — она принадлежит ко Второму Интернационалу, стоит за реформы и против революции, принимает участие в правительстве вместе с буржуазией, помогая ей вываривать крестьян и рабочих в капиталистическом котле „до полного созревания капитализма", прививает рабочим дух законопослушания и веру в избирательный бюллетень, старательно изгоняет из рабочих рядов все революционное, проповедует огосударствление и „диктатуру" пролетариата" и ведет борьбу с анархизмом и синдикализмом. Социалистическая партия принимала участие в первом республиканском правительстве и проявила себя, в лице своих министров, жестокими преследованиями революционного рабочего движения, реакционными законами о бродяжничестве, об охране общественного порядка, рабочим законом 8-го апреля и рядом других, жестоким подавлением аграрных беспорядков, покрытием жестокостей своих коллег радикал - буржуазных министров, как Сантьяго Казарес Квирога, прославившийся кровавым истреблением крестьян в Казас-Вьехас. Такая политика партии и социал - буржуазного блока привела к тому, что на всеобщих выборах они жестоко провалились и к власти пришла клика Роблеса-Леру, которая стала применять к социалистам репрессивные законы, проведенные самими же социалистами. В октябре 1934 года социалистическая партия вместе с левыми республиканцами, пыталась совершить политический переворот, но не удалось. На последних выборах, благодаря косвенной поддержке Национальной Конфедерация Труда, к власти пришел „народный фронт", главной силой которого является Социалистическая Партия и Всеобщий Рабочий Союз. На этот раз партия разделилась на две фракции — умеренная часть партии, руководимая Индалесио Прието, стоит за продолжение прежней тактики сотрудничества с левыми буржуазными республиканцами; „революционная" часть, и повидимому большая часть, руководимая Ларго Кабалльеро, против сотрудничества, за социалистическое правительство и „диктатуру пролетариата".

Вторая часть левого сектора испанских общественных сил состоит из анархистов, об'единенных в Иберийскую Федерацию Анархистов и из Национальной Конфедерации Труда, стоящей на платформе анархического коммунизма и об'единяющая в своих рядах, несмотря на происходящую реорганизацию союзов, согласно последнему с'езду, свыше полумиллиона рабочих. Эта часть отвергает парламентскую деятельность, против политики постепенных реформ, стоит за прямое революционное действие масс и за установление свободного коммунизма путем социальной революции. Руководимые анархо-синдикалистами стачки потрясали всю страну, вызывая злобу и ненависть буржуазии и обуржуазившихся „социалистов". Дважды, на протяжении существования республики, анархисты и Н. К. Т. пробовали раздуть пламя социальной революции, но, благодаря недостаточной подготовленности, эти попытки были затоплены в крови правительством.

Вот основные силы, которые действуют сейчас в Испании. Посмотрим, как они действуют и в каких комбинациях.

Правый сектор испанских общественных сил находился у власти до 16 февраля сего года, день избирательной победы „народного фронта". За этот период правительство правых раздавило политическое восстание буржуазно - социалистического блока Кабалльеро - Азанья, восстания рабочих в Астурии и каталонского автономного правительства. Правительственный террор был ужасен. Тысячи были перебиты и расстреляны, десятки тысяч заключены в тюрьму. Казалось, что фашизм или военная диктатура были неизбежны. Но у правых не оказалось ни ума, ни смелости совершить государственный переворот. Выборы в кортесы нанесли им оглушительный удар. В стране начались забастовки и бунты, направленные против церкви, фа-

шистов и полуфашистской партии Роблеса. Президент Замора был смещен, бывший премьер - министр Леру бежал заграницу, Примо де Ривера был арестован, привлекались к ответственности генералы, отличившиеся жестокостью во время подавления Октябрьского восстания; амнистия освободила всех политических заключенных, началось аграрное движение крестьян, придушенные рабочие союзы стали быстро реорганизоваться и повели наступление. Перепуганное офицерство и генералитет начали угрожать правительству и требовать восстановления „порядка". Правительство „народного фронта", во главе с Азанья-Баррио-Квирога, чувствуя себя пленником нарастающего массового движения и, будучи связано по рукам и ногам социалистическими союзниками из „народного фронта", не добившись от Кабалльеро согласия на вхождение в правительство, повело разговоры с генералами и правыми политиканами. „Левое" республиканское правительство готово было принять все условия реакционных генералов, но побоялось согласиться на военную диктатуру. Тогда военная клика, привыкшая во времена монархии совершать военные перевороты, не учитывая изменившихся условий, очертя голову бросилась в авантюру военного переворота. Восстание началось 18 июля. План восстания, выработанний ген. Франко, сводился к захвату Мадрида гарнизонами больших городов, расположенных кольцом вокруг него, быстрый марш восставших гарнизонов на столицу, низвержение правительства и установление военной диктатуры, применение самого крайнего террора и полное уничтожение рабочих организаций. Флот должен был перебросить из Морокко дикие арабские дивизии и иностранный легион. Но случилось то, что генералы по своей узколобости не могли предвидеть.

Солдаты и матросы не были в заговоре с офицерами. Матросы переарестовали или перебили офицеров и флот выскользнул из рук генеральской контр-революции. Один удар. Перепуганное мадридское и каталонское правительства, растерявшись, не смогли предотвратить вооружение и организацию рабочей милиции, которая, благодаря профсоюзам, организовалась и вооружилась, чем попало, с молниеносной быстротой и, не ожидая правительственных распоряжений, ударила с невиданным энтузиазмом по восставшим. Третий удар. Н. К. Т., верная решению последнего чрезвычайного с'езда о борьбе против всякой попытки уничтожить те малые свободы, которые пролетариат завоевал в тяжкой борьбе, и Иберийская Федерация Анархистов, быстро подавили восстание в Барселоне и очистили от реакционных банд всю Каталоню. Социалисты и Всеобщий Рабочий Союз отстояли Мадрид и задержали офицерские банды ген. Мола в Гвадараммских горах. Астурийские рабочие окружили Овиедо, флот отрезал Морокко от Испании, рабочая милиция захватила Малагу, Толидо, продвигается к Сарагоссе, захватила Сан- Сабастьян, почти все побережье страны в руках рабочих. Генеральская контр-революция была разорвана с первого дня и раскидана несвязанными кусками по стране. Военный переворот не удался. Генералы вынуждены приступить к организации гражданской войны. **С кем и против кого?** Народные массы против них, а находящиеся в их распоряжении регулярные войска — ненадежны, так как идут с ними не добровольно, а по принуждению. Мобилизовать население, занятых ими провинций, они не могут, так как не имеют своей администрации и силы, на которую эта администрация могла бы опираться. Добровольческие отряды буржуазии? О, конечно, они есть и будут, но они не могут быть многочисленны, так как буржуазия не привыкла сражаться за свое господство, но она привыкла, чтобы, под ее командой, за нее сражались другие: рабочие и крестьяне.

Каждый прожитый день приближает реакцию к гибели, а народ к победе. Каждый прожитый день ставит силы реакция в положение разбойных банд в глазах населения, которое они должны грабить, чтобы продовольствоваться. Каждый прожитый день все больше и больше морально деморализует и разлагает гонимых в бой солдат, в глазах которых мадридское правительство все-же является законным правительством.

Силы реакции оказались островами, большими и малыми, среди бушующего народного моря. Их гибель неизбежна, если... если иностранное вмешательство не придет им на помощь, во имя защиты гуманности, культуры, прогресса и религии (о собственности говорить не будут).

Народные массы так дружно и с таким энтузиазмом ринулись в бой против генеральской контр-революции не потому, что им так мила „республика" и правительство, которое расстреливало и сажало их в тюрьмы в первые годы этой республики. Нет, не поэтому. Они поняли, что вопрос не в республике и не в „народном фронте". И генералы могут оставить республику! Оставил же ее Гил Роблес. Они поняли, что вопрос стал о жизни и смерти одного из двух классов: **или рабочие и крестьяне, или аристократия и буржуазия.** И что этот вопрос выходит далеко за пределы Испании и имеет международное значение, ибо победа фашизма в Испании, **даже если он оставит „демократическую республику"**, есть сигнал для фашизма остальных стран Европы: Франции, Бельгии и проч., сигнал и установлению модернизи-

рованного средневековья. Поэтому восстание генералов было понято испанскими рабочими и крестьянами как вызов социальной революции. Вызов принят. **Судьба пролетариата, свободы и экономического равенства решается в Испании.**

Генералы подняли гражданскую войну и получили в ответ Социальную Революцию. Они поставили на карту не только существование своего феодально - аристократического, помещечье - дворянского и клерикального, поповского, классов,—**(их судьба уже предопределена: они будут стерты с лица земли даже в том случае, если победоносный народ будет побежден правительством),** — но и класса буржуазии.

Рабочие Испании ответили на генеральскую контр - революцию не только оружием, но, как я сказал, Социальной Революцией.

Прежде всего народ вооружился, а вооруженный народ, говорил Бакунин, — это уже социальная революция. По всей Каталонии образованы военные комитеты, взявшие в свои руки дело защиты; автономное правительство Каталонии еще существует, но не правит. Это — то правительство Кампаниса, которое в октябрьские дни не дало оружия анархистам и синдикалистам, а посадило их в тюрьму, а потом, когда проиграло свое восстание, требовало, чтобы анархисты сражались за его спасение. Наученное октябрьским опытом, правительство Кампаниса теперь допустило вооружение Н. К. Т. и анархической федерации и попало в положение русского Временного Правительства 1917 года, даже в еще более бессильное положение.

Военные комитеты — реальная сила, правительство — штампующий аппарат, в штемпе которого не всегда нуждаются. **Рабочие союзы захватывают фабрики и заводы, устанавливают рабочий контроль, организуют сами общественный порядок, который даже буржуазные корреспонденты называют образцовым. Крестьяне захватывают землю. По всей Каталонии организованы коммунальные советы. Вместе с генералами крошится капитализм и государство, т. е. происходит то, чего „левые" республиканцы боялись, больше чем генералов.** Каталонское, надо полагать и мадридское, правительство, заявляет, что этому скоро будет положен конец: как только восстание будет подавлено. И оно пытается закрепиться в тылу, отсылая на фронт беспокойный элемент. Но оно ошибается — рабочие прекрасно знают планы правительства и зорко следят за ним.

Это движение Социальной Революции из Каталонии перекидывается и в другие провинции Испании, ставя и мадридское правительство в такое же положение, в какое попало каталонское автономное правительство.

Таким образом правительство радикальной буржуазии, ведя борьбу с фашистскими генералами силами анархических, синдикалистских и социалистических рабочих, одновременно подготовляет сокрушительный удар по этим же самим рабочим. Правительство, оставшись почти совершенно без регулярной армии, рассчитывает, под предлогом борьбы, организовать армейские части, усилить полицию и ударную гвардию и, по мере роста его военной силы, постепенно отодвигать народную милицию на задний план, чтобы в подходящий момент ее разоружить и распустить. Правительству это несомненно удастся сделать, **если оно сумеет внести раздор в естественно сложившийся единый революционный боевой фронт рабочего класса и крестьян.**

Положение испанского пролетариата, следовательно, таково, что сражаясь с генералами, он должен терпеть в своем тылу и номинально признавать за руководителя опасного врага — **правительство республики,** которое он вынужден держать на положении пленника и не свергать до решительной победы над фашизмом, ибо сейчас свержение правительства ускорит интервенцию, а так бессильное правительство, правительство по имени, будет служить ширмой, которую можно отбросить во всякое время. Испанский рабочий класс не должен повторить русской ошибки — социализации иностранной собственности без возмещения. Пока он слаб, а международная буржуазия сильна, лучше откупиться от нее, заявив, что все убытки подданных других стран будут возмещены полностью. Этим не только устраняются лишние мотивы вмешательства, но и завоевываются симпатии мелкой буржуазии и части собственнически настроенных рабочих.

Международная буржуазия уже понимает сущность дела. Она знает, что **сейчас ведется не борьба демократического правительства против фашизма, а борьба труда против капитала, свободы против государства.** Она сочувствует фашистам и готова всячески им помочь, но пока боится делать это открыто, чтобы не вызвать гнев своих собственных рабочих, которым она все время напевает песенку о демократии. Тем не менее государства уже у берегов Испании с военными кораблями. Они крутятся около революционной Испании, как шакалы. Заподазривают друг друга в намерении вмешаться и кричат, что вмешательство может повлечь европейскую войну. Просто пугают друг друга, боятся, чтобы кто нибудь раньше не отхватил кусок испанского пирога, но они знают, что, если это случится, **никакой войны не будет, а повторится та же комедия, которая была разыграна с Эфиопией.** Не только буржуазия фашистских стран

желает помочь испанским генералам, но это желает и английская, и французская буржуазии. Они не могут прямо и открыто сделать это при данных условиях, так они делают это косвенно и не своими руками, а **руками социалистов и коммунистов.**

Выдвигая проэкт „нейтралитета“, Блюм-Сталин фактически совершают акт предательства испанского правительства и испанской революции. При данных обстоятельствах международная буржуазия большего не желает, считая, что это самая большая поддержка, которую она может оказать испанским фашистам, не будучи заподозренной в этой поддержке. В самом деле, **разве нейтралитет Блюма - Сталина не поддержка испанских фашистов?** Разберемся в этом вопросе.

Станем на точку зрения буржуазной законности и посмотрим под этим углом на Испанию. Испания признана всеми государствами, правительство Испании считается законным. С таким правительством ведут все дела и дипломатические сношения правительства всех других стран. Данное испанское правительство пришло в порядке законных всенародных выборов и ни одно правительство не заявило о его непризнании. И вот в стране поднимается бунт, положим такой, какой имел место в Октябре 1934 г., когда у власти были правые испанские элементы. Правительство подавляло этот бунт силой, как сейчас. И ни одно государство не поднимало тогда вопроса о том, что деловые сношения с испанским правительством, торговые сделки с ним, продажа ему оружия и амуниции есть вмешательство во внутренние дела Испании. **Изменилось ли положение теперь? Нет, не изменилось: в Испании законное правительство, которое ведет борьбу с бунтовщиками, как и в Октябре 1934 г.** Почему же теперь выдвигается „нейтралитет“, а тогда он не выдвигался? Почему этот „нейтралитет“ ставит на одну доску правительство и бунтовщиков и принуждает все правит. прекратить продажу оружия и амуниции испанскому правит.? Разве это „нейтралитет“? Нет, это как раз **вмешательство в испанские дела в интересах бунтовщиков.** Нейтралитет, это значит, что ни одно государство не посылает на испанскую территорию своих солдат, не посылает свой флот в испанские воды, не помогает бунтовщикам и не прерывает с признанным им испанским правительством сношений и обычных деловых и коммерческих операций и не ограничивает их. Это — нейтралитет. **„Нейтралитет“ же Блюма - Сталина, запрещающий продавать испанскому правительству оружие и амуницию, когда это оружие и эта аммуниция захвачены военной кликой фашистов, есть вмешательство, имеющее целью помочь восставшей против законного правительства клике, есть враждебный акт к признанному испанскому правительству.** Это с точки зрения буржуазного права. А с нашей, пролетарской точки зрения — **это есть предательство рабочего класса Испании со стороны коммунистов России и социалистов Франции** и тот, кто поддерживает этот акт предательства — соучастник в этом предательстве. Рабочий класс всех стран должен со всей силой, со всей энергией разоблачать этот „нейтралитет“, как выдачу испанского правительства фашистским головорезам, как акт соучастия в убийстве обезоруженных и плохо вооруженных испанских рабочих и крестьян, как сознательное или бессознательное прикрытие социалистами Франции и коммунистами России вмешательства европейской буржуазии в интересах взбунтовавшейся испанской реакции. **Этот странный нейтралитет есть уступка фашистам Италии и Испании в интересах сохранения колоний для французской и английской буржуазии. Это — позор! Международный пролетариат должен положить конец этому позору!**

Положение в Испании и вокруг нее сложно и запутано. Но одно ясно — испанский пролетариат поднял знамя социальной революции, борьбу не только против фашизма, но и против капитализма, против государства. Его победа — победа международного пролетариата, и эта победа звучным эхом раздастся по всему миру и воодушевит трудящихся на последний штурм проклятого современного политического и экономического режима. Следовательно, задача всякого рабочего, всякого крестьянина поддержать всеми силами, всей страстью своего сердца сражающихся испанских братьев.

Необходима широкая агитация и пропаганда целей испанского пролетариата, необходимо создать широкое сочувствие к его делу, которое предотвратило бы иностранное вмешательство, интервенцию, блокаду. Организованные и неорганизованные рабочие не должны допускать снабжения испанских фашистов со стороны буржуазии — революционный протест, угроза и стачка помогут в этом деле. Самый широкий и беспощадный бойкот всех тех стран, которые прямо или косвенно помогают испанским фашистам. Нужно организовывать везде и всюду смешанные комитеты содействия испанской революции. Нужна помощь калекам, вдовам и сиротам — нужны денежные сборы.

Помните, революция еще находится в первой стадии развития, за ней неизбежно наступит вторая, может быть более кровавая: начнется борьба республиканского правительства за сохранение режима капиталистической частной собственности. Эта

борьба собьет с пути многих испанских рабочих, толкнет их в об'ятие буржуазного правительства; она повлечет открытое солидарное вмешательство международной буржуазии — фашистских и „демократических" стран, как это было с Россией. Все это нужно помнить и не убаюкивать себя мыслью, что пролетариат Испании победит своих внутренних врагов — фашистов и буржуазию. В этом нет сомнения. Но это только половина дела, нужно еще победить международную буржуазию, а этого он не может сделать без страстной беззаветной помощи международного пролетариата.

Поможем же рабочей Испании, кровью омытой, встать к новой свободной жизни без попа, без диктатора и без хозяина. Солнце свободы и экономического равенства, взойдя над измученной испанской землей, осветит и согреет весь мир труда, разгонит тьму капиталистической ночи и оттаит замерзшие души.

Да здравствует испанская социальная революция! Все на помощь, все на поддержку! Победа за трудящимися. Будем же смело и бодро шагать вперед к восходящему солнцу!

Г. Максимов.

НАШИ ПОТЕРИ НА ИСПАНСКОМ ФРОНТЕ.

Мы сейчас не имеем прямых связей с нашими испанскими братьями, геройски сражающимися с гидрой испанской контрреволюции, поэтому мы не можем знать о потерях, которые несут наши идейные друзья. Мы можем только догадываться, что эти потери велики. Можно предполагать, что реакция уже теперь вырвала тысячи рядовых бойцов Иберийской Федерации Анархистов и Национальной Конфедерации Труда и сотни передовых работников этих наших братских организаций.

Пока, по сведениям буржуазной американской прессы, мы знаем, что в Барселоне пал смертью храбрых в бою с фашистами крупный деятель Иберийской Федерации Анархистов тов. **ФРАНЦИСКО АСКАЗА.**

Асказа был прекрасным пропагандистом и еще лучшим организатором. Он не принадлежал к числу тех, которых называют интеллектуальными работниками, он был человеком действия.

Обстоятельства, при которых был убит тов. Асказа, таковы: он был убит на второй день офицерского восстания, когда он подошел, чтобы взять сдавшиеся барселонские казармы в Арацене. Над казармами развевался белый флаг, знак сдачи, и тов. Асказа, ничего не подозревая, направился в казармы: предательский офицерский выстрел сразил тов. Асказа на месте. За этот акт предательства милиция на месте расстреляла всех находившихся в казарме офицеров.

Тов. ПЕДРО МАТЕО, принимая участие в боях на мадридском фронте, в горах Гвадарамма, получил несколько ранений и доставлен в Мадрид в тяжелом состоянии. Матео вместе с двумя другими товарищами принимал участие в 1921 году в террористическом акте против испанского премьер-министра Дато. Вместе с товарищами он бежал и пробовал найти убежище в Советской России, но они вынуждены были скоро оставить пролетарский парадис. Они приехали в социал-демократическую Германию и она выдала их в 1921 году испанской монархии, которая засадила их в тюрьму. Революция 1931 г. вернула их к жизни.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО СИМОНА РАДОВИЦКОГО

Центральная тюрьма
Апрель 22, 1936

Коммунистической Партии и Всеобщей Конфедерации Труда.

Я узнал, что вы в своей пропаганде и афишах выставляете мое имя и требуете моего освобождения. Как анархист, я хочу заявить вам следующее:

Я заявляю, что я не желаю быть орудием пропаганды в интересах какой бы то ни было политической партии, в том числе и коммунистической, полностью разделяющей политику Русского правительства. От имени анархистов, заключенных в тюрьмах России и Сибири, от имени уничтоженных анархических групп, пропаганда которых запрещена в России, от имени казненных в Кронштадте товарищей, от имени тов. Петрини, выданного Советами итальянскому фашизму, от имени Аргентинской Областной Федерации и Областной Федерации Труда Уругвая, от имени товарищей, убитых в советских тюрьмах и как протест против клевет и опорочивания наших товарищей Кропоткина, Малатеста, Рокера, Фабри, Махно и проч., и проч., я заявляю, что, как анархист, я отвергаю всякую поддержку и помощь с вашей стороны, так как они представляют собою бесчестную эксплоатацию большевистскими лидерами партии и Национальной Конфедерации Труда благородного чувства солидарности, выражаемого мне рабочим классом.

Симон Радовицкий.

Монтевидео.

Аграрный вопрос в интернациональном аспекте

Проблема вовлечения крестьянских масс в революционный фронт, образуемый индустриальным пролетариатом в его борьбе против режима капиталистической эксплоатации, все более и более настоятельно требует решения, соответствующего интересам социальной революции. Революционные события, имевшие место в Европе во время и после войны, ясно показывают важность крестьянского элемента для революционной классовой борьбы и для осуществления социализма. Опыты 1917 г. в России, 1918 г. в Германии и Австрии, 1918—19 гг. в Венгрии, где дезориентация и дезорганизация трудовых крестьян составляли непреодолимое препятствие для социалистического решения и даже в огромной доле предопределили неудачу революции, неудачу, проистекшую не только благодаря стерильному цезаризму большевистских диктаторов, но также и благодаря отсталости крестьянского элемента и ошибочной политике в борьбе, по традиции пропагандировавшейся между ними.

Необходимо, следовательно, определенно покончить с той небрежностью и с тем отсутствием интереса к аграрному вопросу и к организации крестьянских масс, которые до сих пор господствуют в рабочем движении. Партии Второго и Третьего Интернационалов, т. е. рабочие политические клики, меньше всего гарантирующие искреннее и действительное представительство интересов земельного пролетариата, и которые скорее являются препятствием для действительного социалистического решения земельного вопроса, пытались заполнить это пустое место путем выработки аграрной программы в духе демагогического опортунизма.

По соображениям совершенно иного характера, анархо-синдикалистское движение, неимеющее ни партийной амбиции, ни желания политической эксплоатации каких бы то ни было слоев пролетариата, должно предпринять работу по об'единению и ориентации крестьянских масс в направлении создания совместно с индустриальным пролетариатом одного большего революционного фронта, открывающего широкий путь к осуществлению свободного и полного социализма, необходимым условием осуществления которого является революционная и конструктивная одновременность города и деревни.

Сложность разслоения крестьянства.

В области промышленности образование классового пролетарского фронта происходит почти автоматически, потому что сами условия капиталистического производства, покончившего с независимым ремесленником докапиталистической эры, делят вовлеченные в производство элементы на техническую интеллигенцию и на рабочих с одной стороны, и на капиталистических собственников с другой; такая классическая дифференцировка имеет гораздо меньшую определенность в земледелии. Причины этого лежат главным образом в полуфеодальных условиях земельной собственности и методов производства, которые вместо одного единственного типа наемного рабочего, подобного промышленному рабочему, создают еще другие, менее эксплуатируемые классы — мелкий крестьянин и арендатор являются главными представителями их. Второй причиной осложнения образования классического разслоения крестьян—это аграрные реформы, проведенные во многих европейских странах, из боязни революционного переворота, в первые послевоенные годы. Разлив ниспровергающего духа Русской Революции и революций стран Центральной Европы определили эти реформы в четырнадцати европейских странах: Скадинавские страны, Прибалтийские, Балканские, Польша, Австрия, Чехо-Словакия и Венгрия; эти же революции были возбуждающим фактором для подобных же земельных реформ и в других европейских странах, а также в Японии, Индии, на Малайских островах и в некоторых странах Америки. Эти реформы, сводящиеся к раздроблению на мелкие участки крупных земельных поместий и угодий в целях наделения ими бедных крестьян и фармеров, принесли ничтожное улучшение в бедственное положение сельских рабочих, которые получали „вспомоществование" от государственной „благотворительности", но зато они значительно помогли затруднить процесс классового разслоения крестьянства. Эти реформы не улучшили положение крестьян по многим причинам, но самая главная из них — это недостаточный земельный надел (очень часто меньше двух гектаров и редко больше) и тот факт, что новые „фармеры" вынуждены покупать в долг семена, рабочий скот и сельско-хозяйственные орудия и долги лежат на них тяжким бременем, так что, если раньше они были рабами богатых фармеров и крупних земледельцев, то теперь они стали рабами финансового и торгового капиталов, представляющих им кредит на растовщических условиях, продающих им промышленные товары по высоким ценам и вынуждающих крестьян продавать продукты своего труда, благодаря крайней нужде, по всякой цене. Так называемые аграрные реформы затруднили классовую борьбу в деревне, ибо они разожгли собственнические инстинкты среди значительного числа крестьян и, не дав им даже относительно-

го облегчения, изменили форму их эксплоатации, не уменьшив ее интенсивности; с другой стороны, они превратили крестьян в ярых индивидуалистов, неспособных иметь какой бы то ни было общественный дух и подлинное классовое сознание.

В подобных же условиях находятся и мелкие фармеры всех стран, отягощенных налогами, податями, малоземельем и зависимостью от финансового капитала; арендаторы тоже обременены или натуральной или денежной рентой, которая очень часто достигает половины урожая и которая становится тем выше, чем более разителен контраст между ростом производительных сил и стабильностью форм частной собственности.

Фронт эксплоатируемых разделен на три класса, а именно: мелкие фармеры, арендаторы и рабочие, социальное и материальное положение которых разнится от первых не больше, чем положение чернорабочих от квалифицированных рабочих в промышленности. Тем не менее собственническое умонастроение фармеров и арендаторов заставляет их, несмотря на их материальные затруднения и уровень жизни, ничем неотличающийся от пролетарского, ставить себя выше простых рабочих, предубежденность которых предотвращает возможность установления общности целей и представляет величайшее препятствие в деле организации классового крестьянского фронта, способного на оборонительные и наступательные действия против крупных землевладельцев, финансового капитала и налогов.

Устранение всех этих вредных предубеждений при помощи энергичной разумной, хорошо документированной раз'яснительной работы среди эксплуатируемых элементов деревни — фармеров, арендаторов и рабочих, устранение мелкобуржуазных предрассудков, и разоблачение обманчивого мифа указанных земельных реформ, которые есть ничто иное как искусный ход государства и капитализма, в целях предотвращения от насыщения крестьянских масс революционным духом, — есть первичная задача синдикализма, если он желает подготовить крестьянство к защите и освобождению.

Внедрение капитализма в сельское хозяйство и пролетаризация крестьянства.

Работа по вовлечению широкой крестьянской массы в революционную борьбу за свободный социализм чрезвычайно важна и она не может быть проведена при помощи запаса красивых избитых фраз или митинговых приемов, для этого необходима прямая и тесная связь с живыми интересами и задачами страны. Синдикалистская пропаганда среди крестьян может найти свой солидный и многообещающий базис только в глубоком знании аграрного вопроса. Это требует хороших статистических и информационных данных в отношении всех земельных факторов и правильной оценки тенденций их развития. Среди этих факторов наиболее принципиально важными являются структура земельной собственности, условия производства, внедрение капитализма и его влияние на разслоение крестьянского населения.

Было бы тяжелой задачей (и, пожалуй, ныне невыполнимой из за отсутствия достаточных данных и изысканий) конкретно определить важность таких факторов в интернациональном масштабе. Тем не менее, имеющиеся материалы дают возможность установить существоване трех типичных групп стран, в которых общая линия аграрной проблемы более или менее одинакова: 1) Страны полуфеодальные, с примитивными условиями производства, но в отношении рынка и кредита зависимые от финансового капитала; 2) Колониальные и полуколониальные страны, крестьянское население которых находится под двойной эксплоатацией — примитивные условия производства и господство империалистического капитализма; 3) Промышленные страны, где созревший капитализм начал внедряться в земледелие, насаждая свою машинизацию и рационализацию.

К первой группе принадлежат Скандинавские страны, Прибалтийские, Балканские Польша, Австрия, Венгрия, Италия, Испания и Португалия в Европе, Япония в Азии, Аргентина, Мексика, Уругвай и др. страны Южной и Центральной Америки. Ко второй группе принадлежат Индия, Малайские острова, Китай, Корея, Египет, Алжир, Морокко, Колумбия, Никарагуа, Панама, Куба, Пуэрто Рико и Филиппины. К третьей группе принадлежат Соединенные Штаты, Канада, Франция, Германия, Англия и Австралия.

Общей характерной чертой всех трех групп является все возростающее внедрение, в разных формах, капитализма в аграрную область. Этот факт имеет большое значение в суждении об аграрном вопросе с социалистической точки зрения, ибо он имеет тенденцию упрощать социально-экономические условия жизни и более ясно выявляет эксплоатирующий и эксплоатируемый фактор. Возрастающее внедрение капитализма в сельское хозяйство приводит к усилению эксплоатации независимых трудовых крестьян: мелких фармеров, арендаторов и рабочих, и к тенденции видоизменения примитивных форм производства в соответствии с уровнем производительных сил и утилитарным стремлением буржуазии.

Конечно, этот процесс внедрения капитализма не может протекать здесь с такой же скоростью, с какой он протекает в промышленной области и, вероятно, он не примет тех же самых форм, по крайней мере,

это не наблюдается в настоящее время. Земледелие есть область, в которой, благодаря обширному характеру его основных элементов, сама земля не так-то легко содействует концентрации производства. Даже такие хорошо известные марксисты как Отто Бауэр и Фритц Бааде, социал-демократические специалисты в аграрном вопросе, вынуждены признать это. Но если, благодаря различным обстоятельствам (расстояние, расходы по перевозке и другие неизбежно проистекающие из земледелия условия производства), мамонтовая концентрация земли на основе капиталистической эксплоатации не оправдала себя, то также верно и то, что не наблюдается никакого прогресса и в типе производства мелких фармеров и арендаторов, которые, благодаря недостатку обрабатываемой земли и экономическим затруднениям, не могут применять в своем хозяйстве современные сельско-хозяйственные усовершенствования в области искусственого удобрения, селекции семян и машин. Вследствии этого установились и развиваются хозяйства среднего типа, эксплоатирующие от 50 до 200 гекторов, большие же и малые хозяйства сокращаются или находятся в довольно ненадежном экономическом положении или едва-едва доходны. Эта тенденция аграрной собственности протекает медленно, но она развивается в странах высокого капиталистического развития, которые мы отнесли к третьей группе. Техническое и капиталистическое развитие покровительствует этому и усиливает.

Под влиянием финансового и торгового капиталов в колониальных и полуколониальных странах, а также в полуфеодальных странах, где аграрная структура все еще покоится на замедленном движении, имеет место таже самая эволюция, несмотря на утверждение Маркса, что „растовщический капитал (финансовый капитал — законная форма растовщичества) и торговый капитал эксплоатируют, но не создают формы производства“. Об'ективно говоря, вполне очевидно, что чрезвычайное развитие капиталистического кредита, более или менее растовщического, и торговых компаний для сельско-хозяйственных продуктов, именуемых „пул“, указывает на увеличение зависимости земледелия от финансового и торгового капиталов, влияние которых не ограничивается только простой эксплоатацией вне зависимости от форм производства, но они влияют на изменение этих форм и на структуру собственности. В этом отношении интересно отметить следующее место в книге С. Дубровского, директора Московского Интернационального Земледельческого Института, который, несмотря на свою марксистскую ортодоксальность, по неведению впал в ересь, в основе расходясь с Марксом в оценке роли финансового капитала.

„Во всех странах без исключения мы видим ныне земледелие отягченным чрезмерным и всевозрастающим долгом. Что касается Соединенных Штатов, то за последние несколько лет в них могут быть показаны примеры условий, становящихся предпосылкой разорения мелких фарм, в результате которого фармеры становятся арендаторами и, мало по малу, теряют свою землю. Этот процесс происходит повсюду, в большом или малом масштабе, в соответствии с положением тех или других стран.

В этой форме кредит, под знаком финансового капитала, проявляется не только как средство завоевания земледелия, но также и как средство эксплоатации фармеров финансовым капиталом. Фармер теряет свою землю“.

И нужно знать, что финансовый капитал в этом же смысле и с такими же результатами проводится земледельческими синдикатами и кредитными кооперативами. Эти „ценные“ учреждения в действительности столь же несносны, как и всякий ростовщик, когда наступает соответствующий момент. Следовательно, финансовый капитал определяет перегруппировку собственности и относительные изменения в формах производства, способные обеспечить производительность земли, могущей оплачивать, помимо нужд производителя, проценты на кредит или ренту. Чтобы выполнить свои обязательства, фармер вынужден производить большое количество товаров, т. е. вывозить на рынок большую часть своего урожая, что он достигает или увеличением последнего или уменьшением собственного потребления. Этот процесс заметно ведет к ухудшению условий мелких фармеров и арендаторов, многие из коих пополняют ряды рабочих, уходят в города и становятся пролетариями.

В странах, где земледелие находится в условиях механизации и подвергается более широкому вмешательству современного капитализма, мы находим классовое разслоение, которое становится все более характерным для крестьянского населения. Здесь мы можем уже гооврить об индустриализации земледелия, даже в виде рационализации. Если несколько лет тому назад отлив крестьян в города казался угрозой для экономического равновесия стран, то теперь рост применения технических усовершенствований есть причина безработицы не только в промышленности, но и в земледелии. Согласно официальной статистике, в июне 1930 г., т. е. в разгар уборочного сезона, работа в стране должна была бы увеличиться, однако в Германии было 70.000 безработных сельско-хозяйственных рабочих, несмотря на тот факт, что в земледелии было занято

на 300.000 меньше иностранных крестьян, чем до войны. Вначале мая 1931 г. вышеуказанная цифра уменьшилась до 257.083. Это об'ясняет, если мы будем помнить, что с 1907 г. по 1925 г. число паровых и электрических плугов увеличилось на 8.000, сеялок на 300.000, косилок на 700.000 и молотилок на 300.000, что механизация ведет к устранению рабочих из сельско-хозяйственного производства и к пролетаризации мелких фармеров и арендаторов, которые не имеют достаточно капитала и земли, чтобы использовать преимущества усовершенствованных машин и дающего изобилие удобрения.

В целях воспринятия крестьянством идей и тактики синдикализма в деле немедленных требований, в целях расширения антикапиталистического и анти-эксплоататорского фронта, а также, в целях отбора и привлечения эксплоатируемых в земледелии элементов на сторону революционного и социалистического дела, синдикалистское движение должно внимательно изучать все вышеуказанные условия в развитии земледелия.

В. Орабон Фернандец.

В. ОРАБОН ФЕРНАНДЕЦ

Испанская анархическая газета "Культура Пролетариа", выходящая в Нью-Иорке, коротко оповестила о смерти автора печатаемой выше статьи: "Аграрный вопрос в интернациональном аспекте".

Когда мы переводили статью Орабона, мы далеки были от мысли о его смерти, хотя и знали о расшатанности его здоровья.

Смерть Орабона несомненно является большой потерей для испанского анархического и революционно-синдикалистского движения. Одаренный недюжинным талантом, Орабон имел светлую голову, конструктивную мысль и неутомимую энергию, соединенные с религиозной преданностью анархическому делу.

Орабон родился в апреле месяце 1901 года в небольшом местечке около г. Валлодолида. Учился он в Валлодолидской "Новой Школе" (школа Феррера) и его учителем был и поныне здравствующий активный и видный работник Н. К. Т. и анархического движения Испании Е. Карбо. Орабон очень рано вступил в революционное рабочее и анархическое движение и, будучи 22-х летним юношей, он уже вынужден был покинуть свою родину и бежать во Францию, чтобы избежать ареста. Орабон поселился в Париже и принимал активное участие в издании испанских анрахических журналов и газет. За пропаганду против войны в Морокко он был изгнан из Франции и поселился в Германии, в Берлине, где подружился с А. Зухи и принимал близкое участие в делах Секретариата Международного Товарищества Рабочих. Освоив немецкий язык и ознакомившись близко с немецким анархо-синдикалистским движением, Орабон начал принимать в нем активное участие, а также предпринял перевод на испанский язык ряда брошюр и книг.

За несколько месяцев до Испанской революции, в сентябре 1930 г., Орабон возвратился в Испанию, где скоро был арестован и заключен в тюрьму. В тюрьме он пробыл недолго, был освобожден и вернулся в Валлодолид, где жил под надзором полиции.

Снова бежит Орабон заграницу, но на этот раз уже не надолго: последовавшая вскоре революция 1931 года широко раскрыла двери Испании для политических изгнанников, в том числе и для Орабона. Орабон с головой бросился в революционное море и в боевое анархо-синдикалистское движение Н. К. Т. и анархическое, возглавляемое Иберийской Федерацией Анархистов.

Он принимает участие в первом чрезвычайном с'езде Н. К. Т. и деятельно работает в его комиссиях по выработке резолюций и планов, уделяя наибольшее внимание аграрному вопросу и привлечению крестьян в ряды революционного пролетариата. Затем последовали непрерывные раз'езды по стране в качестве лектора, агитатора, организатора и массовика-оратора. Будучи занят, что называется, по уши, Орабон, однако, принимал очень активное участие, в качестве сотрудника, в целом ряде газет и жудналов, издававшихся анархическими группами, Н. К. Т. и радикальной интеллигенцией.

13 апреля Орабон, по приказу радикального министра внутренних дел Салазара Алонцо был арестован и брошен в тюрьму, где он, повидимому, пробыл до победы "народного фронта". На этот раз он заболел в тюрьме чахоткой, которая приковала его к постели и свела в могилу — он умер в Мадриде 28 июня сего года, не дожив до момента борьбы за осуществление идеалов анархизма, которую сейчас мужественно ведут его и наши товарищи в Испании.

Боритесь с милитаризмом — не покупайте японских и итальянских товаров.

„Независимые“ американские фармеры

(Окончание)

Администрация Хувера, в связи с общим экономическим кризисом, создала АФК — Реконструкционную Финансовую Корпорацию — организацию нового кредита, который предоставлялся банкам, железным дорогам и крупным дельцам, на которых делалась ставка, но ничего не предпринимала для улучшения положения рабочих и фармеров. Одновременно проводилась дефляция: снижалась зарплата и уменьщались цены на сельскохозяйственные продукты. Вследствие этого трудовое население городов, как главный потребитель хлеба, масла, молока и других продуктов, потеряло прежнюю покупательную способность. Деньги очутились в руках небольшой кучки городских спекулянтов, поэтому фармеры остались без покупателей, а огромные массы безработных, голодных и оборванных, которым дозарезу нужны их продукты, остались без возможности покупать их. Таково было общее положение.

Рузвельт предпринял ряд мер против грозившей революции. Насколько положение было серьезно и грозно, можно судить по многочисленным письмам сенаторам к конгрессменам; авторы этих писем— фармеры, врачи, адвокаты, страховые агенты и проч. — жаловавшиеся прежде на общие финансовые затруднения, вдруг переменили тон и резко осуждали существующие порядки. Слово „революция“ очень редко употреблявшееся прежде, стало повторяться в каждом письме.

„Лучше опрокинуть всю экономическую систему и начать все сначала, чем продолжать то, что делается ныне. Это, может быть, ужасная крайность, радикализм, коммунизм, но это сейчас в ушах десятков тысяч американского народа“...

„Я редко пишу, но вижу и чувствую, что надвигается настоящее восстание, если цены на фармерские продукты не будут повышены. Наши законодатели хотят продолжать игру на скрипке, когда горит Рим“.

„Народ, мне кажется, не будет терпеть дальше. Я не буду удивлен, если **революция вспыхнет в любой момент,** но я надеюсь, что это никогда не случится“.

Эти письма подтверждались действиями. Прижатые к стене финансовым и торговопромышленным капиталом, фармеры оказывали упорное сопротивление: они самолично срывали торги, назначенного к продаже имущества несостоятельных должников, устраивали забастовки, пикеты, протесты и т. п.

При забастовках фармерский союз прекращал доставку в города пищевых продуктов и высылал на дороги пикетчиков, которые останавливали поезда, грузовики, телеги и, если находили в них их продукты, — опрокидывали грузовики и телеги, рассыпали зерно, выпускали птиц из клеток, выливали молоко и сливки. А когда назначалась продажа движимого или недвижимого имущества несостоятельного фармера, то на аукцион приходили сотни спокойных, но решительных фармеров, которые обыкновенно не допускали об'явленной земельным банком или страховой компанией распродажи: торги кончались тем, что, под грозным натиском фармеров на адвокатов, компанийских агентов и шерифов, имущество продавалось на законном основании за гроши, владелец оставался на своей фарме, а скупщики-фармеры тут же возвращали разорившемуся соседу купленое ими его имущество. Так велась борьба организовавшихся фармеров с наступавшим на них финансовым капиталом.

Борьба эта не могла не отразиться на актах Конгресса и на мероприятиях новой администрации, которая принялась за починку одряхлевшего капиталистического строя и за примирение труда с капиталом. И, действительно, в мае 1933 г. в Конгрессе проведены были новые акты: **Н.Р.А.** — Нэйшонал Реконструкшэн Акт о возрождении промышленности и помощи рабочим и **А.А.А.** — Агриколчур Аджостмэнт Акт для оказания помощи фармерам.

Одной из важнейших задач ААА было повышение цен на фармерские продукты. Чтобы достигнуть этой цели, фармерская администрация начала свою „мудрую“ политику с чисто капиталистического метода — с сокращения посевной площади и уничтожения рогатого скота, свиней, овец и коз. За это выдавались фармерам премии.

За все время существования ААА, (с мая 1933 г. по январь 1936 г.) было взыскано с беднейшего населения Соед. Штатов около 2 миллиардов долларов процессионного налога, а по 7,925,035 контрактам, заключенным фармерской администрацией почти с 3 миллионами фармеров, было выдано последним в виде субсидий за сокращение посевной площади и уничтожение скота и свиней — 1,200 млн. д.

В первый год существования ААА производство хлопка было сокращено на одну треть (33%), в 1934 г. — на 40%, а в 1935 г. — на 35%. Производство пшеницы в 1933 г. тоже было сокращено на ⅓ и на столько же в 1934 г.; что же касается 1935 г.; то засуха уничтожила все „излишки“. Производство кукурузы также было сокращено в 1934 г. на 20%, а в 1935 г. — на 10%. Производство табака сокращено было в 1934 г. на 34%, а в 1935 г и того больше. Такая же операция была проделана с сахарным тростником, свеклой, рисом, фи-

сташками и проч.

Фармерской администрацией было уничтожено свыше 6 млн. поросят, а в течение второй половины 1933 и первой половины 1934 г. было закуплено почти на 45 млн. д. свыше 8 млн. голов свиней, которые пошли на мясозаготовку; около 100 млн. фунтов засоленой свинины были розданы неимущему населению, а за остальную свинину было выручено 0.6 млн. д.

Во время засухи, начавшейся приблизительно с середины 1934 г. и продолжавшейся в течение первой половины 1935 г., фармерская администрация закупила в 24 западных штатах, пораженных засухой, свыше 12 млн. голов крупного рогатого скота, затратив на эту покупку около 150 млн. д. При этом свыше 1,5 млн. голов было уничтожено на месте, как непригодного для употребления в пищу, а остальной скот пошел на убой для заготовления 2 миллардов фунтов говядины.

Кроме того, фармерской администрацией было закуплено окло 5 млн. голов овец и коз почти на 10 млн. д. для заготовки 150 млн. фунтов баранины, а так же было закуплено почти на 40 млн. д. около 70 млн. фунтов масла, 50 млн. ф. сгущенного молока, около 20 млн. ф. сыра, 10 млн. ф. сахара, 20 млн. бушелей зерна и т. д. В течение только одного 1935 г. фармерская администрация истратила 1,033,276,980 д.

По требованию сената были опубликованы министерством земледелия некоторые данные о полученных фармерами субсидий, превышающих 10,000 д. Из этих данных видно, что в хлопковом производстве насчитывается 46 лиц или компаний, получивших в 1933 г. свыше 10,000 д. правительственной субсидии каждая; наибольшая субсидия была выдана аркэнзасской хлопковой фирме — 84,000 д. В 1934 г. две компании получили больше чем по 100,000 д. каждая, а мизурийская „Дельта энд Пайн Лэнд Ко.“, находящаяся под британским контролем, получила в 1933 и 1934 годах —177,200 д. — четвертую по величине субсидию. Ее фармеры — арендаторы и т. н. „издольщики“, работающие на компанийских плантациях за обусловленную заранее часть урожая, — получили из этой суммы всего-на-всего 18%, а президент компании — Оскар Джанстон, состоящий также управляющим хлопкового об'единения ААА, получает 27,000 д. в год жалованья.

Хлопковым плантаторам было выписано 1,031,549 чеков на общую сумму в 112,-794,039 д., из которых, как было указано выше, 46 лиц получили больше чем по 10,000 д. и 227 лиц — от 5 до 10 тысяч долларов каждое. Отсюда видно, что свыше 99% производителей хлопка получили субсидии меньше чем 5,000 д.

Точно такое же или анологичное распределение правительственных субсидий и в других отраслях агрикультурного производства. Так, например, флоридская сахарная компания получила от фармерской администрации 1,065,665 д. субсидии, гавайская сахарная Ко. — 1,023,000 д., порторриканская сахарная Ко. — 961,000 д. и т. д. В общей сложности 165 сахарно-плантаторских фирм получили больше чем по 10,-000 д. каждая. В 1935 году 19 рисовых компаний получили больше чем по 25 тысяч долларов каждая; наибольшую субсидию в 59,286 д. получила луизианская рисовая фирма.

В 1934 г. получили 5 табачных компаний свыше 15,000 р. каждая; наибольшую субсидию в 41,454 д. получила флоридская табачная фирма, владеющая 49 фармами общей сложностью в 29,158 акров. В том же 1934 г. получили больше чем по 10,000 д. каждый — 19 свиноводов; наибольшая премия в 157,000 д. была выдана калифорнийской компании.

Из производителей пшеницы в 1934 и 35 годах субсидии свыше 10,000 д. каждая получили 7 лиц или компаний; наибольшую премию в 78,634 д. получила калифорнийская компания, а известный „пшеничный король“ — Томас Кемпбелл, заарендовавший у индейцев 16,500 акров земли с платой от 50 сентов до полутора долларов за акр, получил в 1934 и 35 годах — 50,000 дол. за невозделанную землю. Правительство платило в среднем 7 д. за акр вакантной земли.

Вследствие сокращения сельско-хозяйственного производства и уничтожения „излишков“ пищевых продуктов в то время, когда миллионы семей безработных не имели корки хлеба и голодали, а работавшие за низкую зарплату еле сводили концы с концами, — цены на агрикультурные продукты подскочили на 50%. Так, например, в конце 1935 г., перед отменой верховным судом Соед. Штатов ААА, оптовые цены были следующие:

Пшеница — 90 сен. бушель, 81% паритета; кукуруза — 53 с. б., 66% п.; рожь — 40 с. б., 44% п.; ячмень — 37 с. б., 48% п.; овес — 25 с. б., 51% п.; картофель — 64 с. б., 74% п.; говядина — 6 с. фунт, 94% п.; свинина — 8 с. ф., 96% п.; птица — 16 с. ф., 111% п.; хлопок — 11 с. ф., 73% п.

А выше паритета: шерсть — 105%; баранина — 110%; молоко — 115%; табак — 116% и масло 119%.

Таким образом „стабилизация цен“ была достигнута за счет нищего и полуголодного населения Соед. Штатов, ибо нововведенный процессионный налог на все с.-х. продукты, взыскивавшийся с заготовительных компаний, был переложен последними на потребителей.

Заготовительные фирмы, разумеется, не потеряли на этой операции ни сента, наоборот, они значительно увеличили свои прибыли, выуженные из карманов бе-

дняков, но верховный суд Соед. Штатов, отменив 6 янв. 1936 г. ААА, решил преподнести крупным корпорациям маленький подарок: он обязал правительство возвратить заготовительным компаниям 200 млн. д., внесенных ими в виде налога и полученных ими с потребителей.

Этот „Соломонов“ суд привел в негодование многих либералов. Даже министр земледелия Воллос в своей радио-речи указал на „безбожность“ акта, заявив, что владельцы мукомолен, текстильных фабрик и упаковочных фирм возместили сторицею уплаченный ими налог в 200 млн. д. посредством повышения продажных цен на муку, сахар, табак, хлопчатобумажные изделия и т. д. Он привел данные, из которых видно что одна упаковочная фирма, получившая по одному из отделов своей деятельности в 35 г. 7 млн. д. чистого дохода, получит еще судейский „подарок“ в 13 млн. д., как возвратного налога. В наиболее доходный 1929 г., когда процессионного налога не было и в помине, все упаковочные фирмы получили в общем 20 млн. д. чистой прибыли, а теперь они получают 51 млн. д. возвратного налога, кроме полученных прибылей. В тот же год все мукомольные мельницы тоже получили 20 млн. д. прибыли, а возвратного налога — 67 млн. д. Таким образом суд признает с одной стороны незаконным взыскивание денег с одной группы населения в пользу другой, а с другой — дает самый яркий пример экспроприации, постановив отдать в пользу одной небольшой группы 200 млн. д., собранных со всего населения.

По данным журнала „Сэйлс Мэнеджмент“ чистый доход 1,300 корпораций за 1935 г. составлял — 2,029 млн. д. или на 42% больше, чем в 1934 г., а доходы всех компаний, а также рабочих и фармеров, исчисляются в 63 миллиарда долларов. Отсюда видно кто загребает крупные барыши и кому достаются крохи, падающие со стола господ.

Надо отметить еще два важных факта. — Политика „ стабилизации цен“ посредством сокращения посевной площади, уничтожения „излишков“ агрикультурных продуктов и обложение их высокими налогами привела к сильному вздорожанию пищевых продуктов и к ввозу их из заграницы. Так, например, в 1933 г. было ввезено в Соед. Штаты 34 млн. ф. говядины, в 1934 г. — 40 млн. ф., а в 1935 г. — 75 млн. ф. Консервированного мяса за указанные годы было ввезено.: 32 млн. фунтов, 39 млн. ф. и 69 млн. ф. В конце декабря 1935 г. за одну только неделю было ввезено в Нью Иорк из Польши около 269 тысяч фунтов консервированной ветчины и свыше 200 тысяч фунтов говядины из Аргентины. В общем, ввоз мяса из заграницы увеличился в 1935 г. на 3,600 процентов по сравнению с 1934 г. Почти такое же явление наблюдается и с другими агрикультурными продуктами, поступающими из заграницы.

Другой факт характерен тем, что, по данным вашингтонского Агрикультурного Экономического Бюро, после отмены ААА цены за первые 3 мес. текущего 1936 г. понизились в среднем почти на 5% по сравнению с прошлым 1935 г., и фармеры продали больше продуктов, чем в прошлом году, получив большую прибыль, чем при стабильных ценах 1935 г., несмотря на более низкие цены. За эти 3 месяца фармерский доход достиг 1,538 млн д. против 1,-281 млн. д. в 1935 г., т. е. увеличился на 20%. Это показывает, что, благодаря снижению цен на с.-х. продукты, они стали доступнее для беднейших слоев населения и таким образом увеличилось их потребление.

Эти факты говорят о том, что население Соед. Штатов, в особенности беднейшие слои, очень нуждаются в с.-х. продуктах, но, лишеное покупательной способности, должно было подтянуть животы, а для коммерсантов оказалось более выгодно ввозить пшеницу и мясо из заграницы.

Фармерская администрация утверждает, что, благодаря ее вмешательству, фармерские дела поправились и их доходы за 2 последних года увеличились почти на 3 миллиарда долларов. Действительно, валовой фармерский доход в 1934 г. увеличился на 1 млр. д. по сравнению с 1933 г. Этот добавочный миллиард составился следующим образом: от продажи правительству скота — 76 млн. д., от других продаж скота — 377 млн. д. и правительственной субсидии — 318 млн. д.

Не надо забывать, что вследствие небывалой засухи, от которой пострадало в 1934 г. свыше 60% фармеров, скот продавался, как правительству, так и скупщикам за бесценок, поэтому огромнейшая часть барышей попала в карманы посредников и банкиров, а из 138 млн. д., вырученных за земледельческие продукты, 81 млн. д. падает на табаководство, а 52 млн. д. — на долю бедняков.

Подобным же образом распределяется и доход 1935 г., который увеличился по сравнению с 1934 г. на 12% или на 844 млн. д., и который составился из следующих статей: земледельческие продукты — 3,400 млн. д., животноводнические продукты — 4,230 млн. д., правительственная субсидия — 480 млн. д., полученных, конечно, крупными компаниями и богатыми фармерами, как это видно было из приведенных данных министра земледелия Воллоса, а на долю бедняков ничего не досталось, так как им нечего было сокращать производство, не хватавшего им на прокормление.

Многие фармеры домогаются проведения инфляции, чтобы таким образом избавиться от гнетущих долгов и сохранить

свои фармы. Они, конечно, не знают того, что инфляция не разрешит фармерского вопроса, ибо, во-первых, она ударит по самим фармерам и рабочим и выигрыш получат только крупные капиталисты, а во-вторых, она не только не увеличит покупательной способности фармеров, но еще более уменшит их доходы. Поэтому надо домогаться не инфляции, а уничтожения капиталистической системы производства ради прибылей и замены ее производством для удовлетворения нужд населения; надо стремиться к обобществлению орудий и средств производства не только в промышленности, но и в земледелии.

Более передовые фармеры, организованные в независимые фармерские ассоциации и союзы, требуют от правительства: 1) снижения налогов; 2) уменьшения стоимости распределения продуктов и товаров, т. е. ограничения прибылей посредников; 3) равенство цен на сельско-хозяйственные продукты и фабрично-заводские товары; 4) одинаковых тарифных ставок для промышленников и для фармеров; 5) создания учреждений дешевого кредита и складов для хранения с.-х. продуктов и, наконец, 6) использования земли для исправления ошибок прошлого, а также одинаковых социальных условий и образовательных возможностей для уравнения фармерского населения с городским.

Вряд ли фармеры добьются осуществления своих требований, ибо это не в интересах правящих дельцов, концентрирующих в своих руках с каждым годом все большие капиталы и богатства. Это орудие огромнейшего влияния и силы может быть вырвано у них талько организованной силой рабочих и фармеров, силой **социальной революции.** Только она положит предел социально-экономическому неравенству и эксплоатации человека человеком.

6 мая 1936 г. **К. Филиппович.**

У разбитого корыта

В последние годы отлива революционной и творческой энергии рабочего класса всего мира, поэтически-элегический тон охватил почти всех наших социалистов: что ни социалистический орган печати, что ни статья в нем, то, как бы по предварительному уговору, констатирование факта: „мы у разбитого корыта". И горечь, и приступ злобы охватывает всякого честного и неослепленного читателя, которому преподносят с разных сторон и в большом изобилии это „разбитое корыто".

Где же они были и что они делали, все эти элегики, все эти репортерски-констатирующие факт „разбитого корыта" до того, когда социалистический идеал превратился в жалкое разбитое корыто? Что они предприняли, чтобы предотвратить и предохранить его от разбивания? Ведь никто иной, а они сами, систематически и неуклонно, в течении десятков лет подтачивали и разбивали; они сами постепенно превращали больщой резервуар социализма в жалкое корыто. Могучий девятый вал они заставляли делаться маленькой и слабенькой струйкой и течь в... „корыто".

И по сию пору продолжают в этом же духе: если где нибудь, наперекор их старанию, еще уцелел резервуар революционной энергии, если еще где-либо бьет сильная волна революционного творчества, то они и туда являются со своей мелкотой, со своей готовностью, если можно так сказать, **окорытить резервуар.**

А они опытны в этом благородном деле!

И лает беспрерывно моська из реформистски-социалистического завода на анархического слона Испании. В Германии, Австрии и в др. странах эти моськи довели до разбитого корыта, до лютейшего фашизма. Как же какой нибудь Испании быть исключением!

Им мерещится все одно и тоже разбитое корыто.

***

От „Социалистического" и „Коммунистического" Интернационалов до буржуазной „Лиги Наций" в сущности, ведь, небольшой скачек, тем более что в последней принимали и принимают участие социалистические министры (Вандервельде-Макдональд — раньше, Леон Блюм — теперь) и даже „коммунистическое" государство сочло нужным присоединиться к ней, и представитель СССР, где не только общая деятельность с инакомыслящим социалистическим элементом недопустима, но и само существование последних неуклонно и жестоко преследуется, председательствует в ней, в этой „Лиге Наций", его „комунистическая" совесть не мешает ему брататься с заправилами капиталистических государств.

Кто-то удачно пустил язвительную игру слов по отношению Лиги Наций: она не „фолькер лиге", а „фолькер люге" (не лига народов, а ложь народов), т. е. циничная фальсификация международного сообщества.

Да разве **народы,** на самом деле, представлены в этой Лиге? Да разве государства, эти вековые поработители народов, вправе отождествлять себя с „народами"?

Если была хоть какая нибудь видимость, обманчивая иллюзия положитель-

ности в самом названии „Лиги“, то ее деятельность рассеивала и искореняла эту видимость и эту иллюзию. Циники и оплевыватели всякого народоправия, от поры до времени, собираются в Женеве, заседают там и бесстыдно порят мелодекламационную чепуху.

Нигде и никогда еще не выступала во всей своей отвратительной наготе вся гниль „государства“, как в сессиях „Лиги“. Если от каждого государства в отдельности так и прет гнилостный запах, то что же можно сказать о „Лиге“, где этот запах умножен в 52 раза?!

Если допустить, что вначале среди основателей „Лиги“ и были такие, которые верили в возможность положительных результатов ее работ, то сейчас ведь и они не верят. Сейчас мы слышим с их уст жалобы разочарования: Лига оказалась... разбитым корытом.

Но сознают ли констатирующие факт, что корыто разбилось не вдруг, а разбивалось постепенно, и что они сами собственноручно разбивали его, что они сами, в полном согласии со своими убеждениями и мелодекламацией, превращали „великую идею“ в жалкое корыто? Сознают ли они это?

— „У разбитого корыта“, говорят они, и этим снимают со своих плеч ответственность.

— „У разбитого корыта“, это проще и удобнее.

Д-р. И. Рубин.

ВТОРОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ КОНГРЕСС НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНФЕДЕРАЦИИ ТРУДА, СОСТОЯВШИЙСЯ В САРАГОССЕ С 1-го ПО 12-ое МАЯ 1936

(Из доклада корреспондента Н. К. Т. Между народному Товариществу Рабочих)

Тяжелое экономическое положение и тот факт, что С'езд состоялся в момент реорганизации союзов, не дали возможности многим местным союзам быть представленными на с'езде полностью. Однако, несмотря на это, на с'езде было 608 делегатов, представлявших 1,172 союза с 528,267 членами. Кроме этого, на конгрессе присутствовали делегации братских независимых союзов и других рабочих организаций.

Союзы, которые раньше откололись от Национальной Конфедерации Труда, были представлены 44 делегатами от 68,021 членов, из коих 22,540 из Левантской области. Обширный зал театра "Ирис“ был переполнен делегатами и публикой, которая с глубоким интересом следила за ходом работ с'езда. По меньшей мере половина населения Испании с неослабным интересом следила за с'ездом, сознавая важное значение с'езда не только для внутренней жизни Конфедерации, но и для будущей испанской революции.*)

Возвращение оппозиции в недра Н. К. Т.

Первым вопросом порядке дня с'езда бы вопрос об обратном приеме оппозиционных союзов, отколовшихся в свое время от Н. К. Т.

Вопрос этот обсуждался с необычайным хладнокровием и был решен в положительном смысле единогласно .

Отчет Национального Комитета.

По отчету Национального Комитета развернулись широкие и горячие дебаты. И это вполне понятно: с'езд не созывался в течении нескольких лет, а между тем эти годы были богаты важными событиями.

В связи с дискуссией той части отчета, которая касалась интернациональной связи, были затронуты вопросы отношения Н. К. Т. к январьским и к декабрьским событиям 1933 г., к Октябрьским 1934 г. Дискуссия приняла страстный характер, но эта страстность всегда заканчивалась пожеланием лучшего на будущее.

Выбранная комиссия составила следующую резолюцию по докладу Национального Комитета, которая принята с'ездом:

1) В будущем Конфедерация должна стараться устранять спорадические революционные движения, предпринимаемые областными организациями по своему собственному усмотрению, без учитывания реальных условий, при которых революция возможна или не возможна, и без надлежащей подготовки, которая дала бы возможность с самого начала заместить капиталистическую систему.

2) Это должно быть делом всего движения в целом, вручающего в распоряжение Конфедерации организмы способные к инициативе, защите и к консолидации завоеваний на второй день после победы.

3) Для выполнения этих заданий необходимо все экономические конфликты и все те конфликты, которые возникают в национальном или местном масштабе против тех или иных мероприятий правительства, довести до наиболее простого выражения. В интересах лучшего контроля экономической борьбы необходимо создать индустриальные федераций, согласно плану, принятому с'ездом 1931 года.

4) Одобряется прямое и антиполитическое действие Н. К. Т. в отношении всякого действия организации, касающегося пропаганды и выражения революционной индивидуальности синдикатов в согласии с конфедеральным пониманием свободного коммунизма.

5) Для вступления в Н. К. Т. не требуется определенных политических, социальных и религиозных взглядов, однако активным члеман политических партий, — хотя-бы и рабочих, — **не разре-**

*) Военное восстание, организованное фашистами, монархистами, католиками, помещиками и фабрикантами, подтвердило лишний раз важную роль Конфедерации и анархистов в жизни и развитии Испании. **Ред.**

шается занимать ответственные должности в Конфедерации. Это же правило применяется и к членам массонских лож.

6) В интернациональной области Н. К. Т. продолжает оставаться членом Международного Товарищества Рабочих, но в то же самое время продолжает пользоваться необходимой автономией, недопускающей вмешательства в работу Комитета, ведомую им в общих интересах национальной организации.

7) Н. К. Т. Будет следовать своей революционной линии, будет принимать участие во всех движениях, направленных к освобождению пролетариата, и будет стараться, путем собственного примера, завоевывать доверие восставших масс, с тем, чтобы возглавить его и дать ему направление соответствующее ее собственным принципам. Н. К. Т. при всех обстоятельствах будет выявлять свой антимилитаристический дух; в случае же войны или военного переворота, направленных против тех небольших свобод, которые завоеваны народом с такими огромными жертвами, Н. К. Т., в согласии с обстоятельствами, предпримет революционные действия.

8) В интересах революционного успеха и эффективности, а также в интересах лучшего достижения поставленной организацией цели, чрезвычайно важно внедрить среди членов чувство ответственности. С'езд заявляет, что ответственность характеризуется широким пониманием самодисциплины, позволяющей личности, без ущерба ее собственным идеям, с честью выполнять свои обязанности по отношению к коллективу, принимая и выполняя их даже тогда, когда они не выражают ее личных взглядов.

9) Областные пленумы созываются регулярно через каждые четыре месяца. Экстренные созываются Национальным Комитетом или Областными Комитетами в зависимости от обстоятельств. На пленумах делегаты должны передавать решения своих организаций без всякой личной оптимистической или пессимистической окраски, ибо и то и другое, будучи доведено до крайности, вредно для дела революции.

10) Пропаганда должна контролироваться комитетами, ответственными перед организацией. Пропагандисты, выступая от имени своей организации, или от имени местных организаций Конфедерации, или когда они принимают участие в официальных митингах, должны придерживаться общих норм и текущих решений Конфедерации и воздерживаться от выражений личных звглядов, идущих в разрез с этими нормами и решениями. Помогать организации помещений и всякого рода учреждений — форумы, школы, артистические кадры и проч, — которые являются духовным дополнением организации.

11) В будущем секретарь Национального Комитета должен избираться регулярным или чрезвычайным с'ездом Н. К. Т.

Вопрос о революционных союзниках.

Еще до октября 1934 года вопрос о революционных союзниках дискуссировался Н. К. Т., а товарищи Астурии вынесли по этому вопросу определенное решение. Но после октября требования масс в этом вопросе с каждым днем становились все более настойчивыми. С'езд, рассмотрев этот вопрос, пришел к следующему заключению, принятому большинством с'езда против 60:

„Принимая во внимание страстное желание испанского пролетариата уничтожить современную политическую и и социальную систему и принимая во внимание, что Всеобщий Рабочий Союз и Национальная Конфедерация Труда охватывают всех организованных рабочих Испании, с'езд выражает пожелание, чтобы Н. К. Т. открыто и официально обратилась к В. Р. С. с предложением заключить революционный договор на следующих основах:

1) Поддержкой революционного договора В. Р. С. формально признает провал системы политического и парламентского сотрудничества и, следовательно, он будет воздерживаться от всякого сотрудничества с современным режимом.

2) В случае, если социальная революция станет фактом, необходимо полное разрушение современного политического и социального режима, являющегося душителем жизни страны.

3) Новая организация труда, долженствующая произойти из революционного дела, будет определена сообща путем свободных выборов свободно собирающихся рабочих.

4) Для обеспечения защиты нового социального режима необходимо единство действия, устраняющее частные интересы каждого течения. Только общая защита может защитить революцию от нападения национального и иностранного капитализмов.

5) Восторженное одобрение этого решения предполагает, что Национальный Комитет, если В. Р. С. примет этот договор, войдет в сношение с этим последним в целях скорейшего заключения договора в полном согласии с вышеупомянутыми решениями и теми, которые уже существуют в недрах Н. К. Т.

Вышеуказанные основы выражают чувства большинства Н. К. Т. Эти условия носят временный характер и должны облегчить союз с В. Р. С., когда последний, собравшись на своем конгрессе, формулирует свой собственный базис, который он считает необходимым для реализации союза революционных рабочих. Оба Национальные Комитеты изберут тогда комитет для конкретизации общих обоим синдикальным центрам взглядов. Этот, выработанный сообща, проэкт передается на обсуждение и референдум союзов обоих центров.

Результаты референдума принимаются за определенные решения в том случае, если голосовало не менее 75% обоих организаций.

Все делаемые в этой плоскости предложения должны быть переданы на референдум синдикальных организмов".

Социальное и политическое положение.

По этому вопросу с'езд принял следующую резолюцию:

"1) *Развить кампанию устной и печатной пропаганды против репрессивных законов, в частности против закона о бродяжничестве, об общественном порядке. рабочий закон от 8-го апреля, против смертной казни и т. д., и, путем создания могущественного общественного мнения, принудить правительство отменить эти законы.*

2) Усилить пропаганду по разоблачению всех политических партий, показывая народу, что решение его собственных проблем не есть вопрос смены людей у власти, но вопрос социального построения режима; усилить общественное мнение в пользу свободно-коммунистической революции.

3) Требовать расширения и применения амнистии ко всем социальным заключенным, которые все еще находятся в тюрьме, и ко всем, так называемым, обыкновенным арестантам, преступление которых есть результат экономического неравенства; уничтожение антропометрических записей (полицейских рекордов) как амнистированных, так и тех, которые еще отбывают наказание. Требовать также амнистии для военных преступлений.

4. Если будет необходимо, Н. К. Т. предпримет в национальном масштабе решительные шаги, чтобы помочь федеративной организации Каталонии или других областей, находящихся в подобных же условиях, ибо Каталония является об'ектом репрессивной ненависти двух правительств, не говоря уже об автономном правительстве, которое может натравить свои рабочие организации против Н.К. Т.

5) Прямое и энергичное действие против фашизма, чтобы предотвратить его развитие и проникновение на заводы, в мастерские и другие рабочие места.

6) Предпринять кампанию агитации, устной и печатной, против войны и против всего, что ведет к ней. Создать антимилитаристические комитеты, которые должны находиться в прямой связи с Международным Товариществом Рабочих, чтобы быть в курсе интернациональных вопросов; стимулировать среди молодежи, путем брошюр и прокламаций, ненависть к войне и отказ от военной службы.

7) В случае об'явления испанским правительством войны или военной мобилизации, об'явить всеобщую революционную стачку.“

Безработица.

По этому вопросу конгресс вынес следующее решение:

1) 36-часовая неделя без сокращения заработной платы.
2) Не допускать закрытия фабрик; синдикаты должны захватити в свое распоряжение закрытые фабрики и вести их коллективно.
3) Устранить совместительство должностей.
4) Отмена поштучной и сверхурочной работы.
5) Учреждение Бирж Труда в синдикатах в целях установления рабочего контроля.
6) Возложить на государство, коммуны и проч. организацию широких строительных работ в национальном, городском и губернском размерах — мосты, дороги, очистка рек, облесение, улучшение деревень, приведение в санитарное состояние рабочих жилищ и проч. Работы должны оплачиваться по профсоюзному тарифу.
7) Обязательный выход в отставку всех мужчин, достигших 60 лет, и всех женщин, достигших 40 лет, с сохранением за ними 75% их заработка.

Земельный вопрос.

Дискуссия земельного вопроса заняла много времени. В результате этой дискуссии с'езд принял следующую программу:

1) Экспроприация, без возмещения, всех имений свыше 50 акров.

2) Конфискация запасов, земледельческих орудий, машин и семян, находящихся в руках экспроприируемых собственников.

3) Передача в распоряжение синдикатов для использования свободно и пропорционально, экспроприированной земли в интересах прямой и коллективной обработки .

4) Отмена податей, земельных налогов, ипотечных долгов и тягот, лежащих на собственности, рабочих орудиях и машинах крестьян, обрабатывающих землю собственными руками без наемного труда.

5) Отмена платы деньгами и натурой, которую вынуждены платит крупным землевладельцам мелкие фармеры, именуемые "издольщиками".

6) Ревизия коммунальных имений и передача их земледельческим синдикатам для коллективной их обработки.

7) Проведение широких оросительных работ, устройство дорог, облесение, усиление животноводства, пчеловодных фарм, организация сельскохозяйственных школ и проч.

8) Немедленная борьба с безработицей путем сокращения часов труда и установления заработной платы, соответствующей дороговизне жизни.

9) Прямой захват синдикатами земель, которые производят ниже своего плодородия и в действительности собатируют экономию страны.

Было решено также создать национальную федерацию крестьян Национальной Конфедерации Труда, в целях выработки переходных мер, касающихся земельных проблем Испании, и в целях подготовки успешной социальной революции.

Понимание свободного коммунизма.

Около 150 синдикатов прислали с'езду свои точки зрения на организацию нового свободно-коммунистического общества.

Избранная с'ездом комиссия суммировала точки зрения синдикатов и составила очень длинный документ. Конгресс решил, что должна быть назначена, как можно скорее, новая редакционная комиссия, которая, на основе принятых принципов, приготовит документ, полностью выражающий точки зрения синдикатов по этому вопросу, и что этот документ должен быть передан на референдум, в целях получения определенного одобрения главной идеологической и тактической линии новой свободной социальной организации.

С'езд вынес целый ряд других решений по животрепещущим вопросам, например, о возобновлении выхода ежедневной газеты "С. Н. Т." („Национальная Конфедерация Труда"), о переводе в Мадрид Национального Комитета и проч.

Закрытие Конгресса.

Закрытие конфедерального с'езда ознаменовалось 11 мая организацией митинга в Сарагоссе. Это был один из величайших митингов, который когда либо видела современная Испания. Возгласы: „Национальная Конфедераця Труда", „Иберийский Союз Анархистов" были слышны по всем железным дорогам, по всем грунтовым дорогам, ведущим в Сарагоссу. Эти возгласы заполняли воздух с полудня 10 мая до самого начала митинга.

Огромная масса, между прочим, не смогла приехать в Сарагоссу, так как железнодорожные компании не пустили больше четырех специальных поездов из Барселоны и Мадрида. Были использованы все средства передвижения — грузовики, автобусы, автомобили — Каталонии, Арагона, Валенсии и они оказались недостаточными.

В Сарагоссу с'ехалось под красно-черными флагами Н. К. Т. около 250,000 человек. Пляза де Торс (Арена боя быков), зал „Ирис-Пара" театра, улицы, все было заполнено членами Н. К. Т. — женщины, мужчины, анархическая молодежь. Правительство не разрешило радио-передачу речей, но это не лишило товарищей возможности выразить свой энтузиазм в могущественной демонстрации.

Несчастный случай омрачил радость и счастье наших товарищей — грузовик из Утиеля (Валенсия), возвращаясь с митинга, перевернулся и пять наших товарищей были убиты, а двадцать других получили поранения. Немедленно была организована в национальном масштабе подписка в помощь семьям жертв несчастного случая.

Корреспондент Н. К. Т.

Май 1936 .

ОБ'ЕДИНЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ ФРАНЦИИ.

(Окончание).

Федерации металлистов и строительных рабочих, входящие в состав О. В. К. Т., показали большее число членов, чем их имелось в действительности. Федерации рабочих различных отраслей промышленности задолжали О. В. К. Т. на миллионы франков, не уплачивая следуемых с них отчислений от членских взносов. В. К. Т. хотела признавать и принимать в новую об'единеннию федерацию лишь тех присоединяющихся к ней членов О. В. К. Т., за которых были действительно уплачены следуемые с них отчисления. Она не желала признавать фантастических статистических данных, сообщаемых ей О. В. К. Т. Эта последняя опасалась, что это уронит ее престиж, и настаивала на том, чтобы Всеобщая Конфедерация Труда примирилась с этой задолженностью. Но В. К. Т. не желала допустить никаких неправильностей в этом деле.

**
*

Несмотря на множество затруднений, из которых нами были упомяниты здесь лишь важнейшие, об'единения обоих организаций все-таки совершилось. Но единая В. К. Т. уже не будет тем же, чем была французская В. К. Т. до раскола или, вернее сказать, до войны. В то время она была федералистична, децентрализована и синдикалистско-революционна. Теперь же В. К. Т. сильно проникнута централистическими методами; она проявляет дружелюбное отношение к государству и стала реформистской. Об'единение с коммунистами не вернет ее к синдикализму и федерализму. Едва ли совершится возрождение французского синдикализма.

Фернанд Пелутье, отец французского синдикализма, в 1897 году охарактеризовал его следующим образом:

„В основании синдикалистской организации лежит синдикат, от которого исходят и должны исходить все решения; затем, с одной стороны, мы имеем об'единение синдикатов одной и той же профессии или сходных профессий. Образованные таким образом союзы федерируются в Корпоративный Совет. С другой стороны синдикаты всевозможных профессий группируются территориально в Биржи Труда, а совокупность этих последних составляет Федерацию Бурж Труда. Наконец, все это возглавляется Союзом Корпоративных Советов и Федеральным Комитетом Бирж Труда, т. е. Конфедерацией."

Этот федеративный характер французского синдикализма был сохранен им и в последующие годы. Когда, несколько позже, Биржи Труда были об'единены по департаментам в Департаментские Союзы, то они все же еще сохранили свой федеративный характер. И никто иной, как Жуо, держался заодно с Пуже того взгляда, что „в будущем обществе миссия союзов, которые заменят современный муниципальный механизм, будет состоять в том, чтобы заниматься администрацией вещей и распределять продукты производства сообразно аксиоме: „каждому по его потребностям."

В теперешнем экономическом плане В. К. Т. нельзя более найти и следа этого федералистического и свободническо-коммунистического духа. Теперь в программе В. К. Т. царит дух огосударствления и централизма. Поэтому-то коммунисты, мысли которых движутся по тому же руслу, и могли столковаться на почве идиологии с теперешней В. К. Т.

После войны старая В. К. Т. все явственнее стала менять свой характер. В 1923 году В. К. Т. выработала для себя новый устав. В нем уже больше ничего не осталось от прежнего федерализма. Сохранился только принцип независимости экономических рабочих организаций от организаций политических. И это было понятно ввиду резких нападок в эти годы на профессиональные союзы со стороны коммунистов. В уставе не сохранился принцип независимости Биржи Труда и их об'единений по департаментам. Новый устав 1923 года гласит:

„Союзы суть филиальные отделения В. К. Т. Их секретари, делегаты при Национальном Корпоративном Совете, являются официальными представителями В. К. Т. в департаменте."

Централизм, в течение двух последних десятков лет все сильнее проявлявшийся во В. К. Т., не ослабится в новой единой Всеобщей Конфедерации Труда; скорее всего он даже усилится. Пройдет некоторое время, пока в Конфедерации воскреснет прежний бунтарский дух, коренящийся в низах рабочих масс. Этот дух еще не умер — свободнический дух французского рабочего движения. Он проявился даже на об'единительном конгрессе. Контролировавшаяся коммунистами О. В. К. Т. базировалась на идее партийной гегемонии и коммунисты пытались провести этот принцип на об'единительном с'езде, но потерпели неудачу: две трети делегатов голосовали против и с'езд снова провозгласил независимость профессионального движения от партийного. В этом огромная важность конгресса. Коммунисты потерпели поражение и в другом важном вопросе — в вопросе централизма и федерализма: 2569 синдикатов против 1031 голосовали за федерализм против централизма. Синдикалистская идея одержала победу над большевизмом на об'единительном конгрессе и в вопросе запрещеня секретарям профсоюзов занимать руководящую позицию в политической партии. быть членом парламента или членом городской думы. Большевики упорно отстаивали это право совместительства, но потерпели поражение.

Слабость коммунистов ясно обнаружилась при обсуждении вопроса о принадлежности к Интернационалу. Коммунисты даже не осмелились внести предложение о присоединении к Москве: Они предлагали не входить ни в один из существующих Профсоюзных Интернационалов. Их предложение было отвергнуто и с'зд высказался за Амстердамский Интернационал.

***

Кроме течений находивших для себя выражение во В. К. Т. и в О. В. К. Т., во французском рабочем движении имеются еще и другие элементы. Есть, например, течение "Revolution proletarieune" нашедшее в наши дни снова дорогу к революционному синдикализму. Затем имеется В. К. Т. Р. С. — Всеобщая Конфедерація Труда Революционных Синдикалистов, французская секция Международного Товарищества Рабочих, защищающая идеи анархо-синдикализма. И, наконец, существует целый ряд анархических и свободнических групп и отдельных личностей, играющих известную роль во французском рабочем движении.

Все они не перестанут бороться за свои идеи. После того, как пройдет опьянение, вызванное радостью по поводу об'единения, все эти передовые элементы снова окажутся на виду. Французские рабочие станут прислушиваться к речам представителей этих течений. Снова воспрянет старый свободнический дух. Организованные рабочие Франции вспомнят о том, что отцы их были синдикалистами. В былые времена „политиканы" не пользовались хорошей репутацией среди французского пролетариата. И снова настанет время, когда рабочие повернутся спиной к политиканству и начнут полагаться лишь на собственные свои силы, которые находят свое проявление в прямом действии. Могущество традиций не может быть сметено бесследно. Прудон, Бакунин, Гильом, Пелутье, Пуже жили недаром. Влияние их деятельности ощущается еще и в наши дни. И настанет время, когда их учение воскреснет к новой жизни. Единая организация, в которой многие теперь видят спасение, есть лишь рамка для чего-то другого. Дружное единообразное действие, порождаемое революционным духом, разорвет те рабские путы, которыми в наше время пленен пролетариат.

А. Зухи.

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ С МЕСТ

МОНТРЕАЛЬ, Канада.

Ко всем группам и отдельным товарищам Канады.

Дорогие товарищ, настало время об'единиться в одну анархическую организацию и единым фронтом повести анархическую пропаганду среди трудового народа. Не откладывая в долгий ящик, я рекомендую всем группам и отдельным товарищам Канады обсудить вопрос о созыве канадской конференции, на которой я предлагаю продискуссировать следующие вопросы:

1) Создание Канадской федерации, 2) Издания анархической газеты на украинском языке, 3) О раз'ездном агитаторе и лекторе, 4) Наше отношение к обществам взаимопомощи, 5) Разные.

Если товарищи находят это нужным, то не следует медлить, а следует поторопиться сделать все, чтобы к следующему сезону мы были об'единены во всей Канаде и были готовы к планомерной пропагандистской деятельности.

Переписку по этому вопросу можно вести со мною по следующему адресу:

H. Resanovich, 4985 — 6th Ave.,
Rosmount, Montreal Qu., Canada.

Желающие помочь заключенным немецким товарищам могут посылать деньги (с пометкой: pour le Fonds Allemand) по следующим адресам:

в Европу—Otto Vonk, Joos de Meerstraat, 17, Amsterdam, Hollande.

в Америку — M. Mratchny, 45 Wst 17th St., New York, N. Y.

ПИСЬМА И ОТЧЕТЫ

НЬЮ-ГЕЙВЕН, Конн.

ОТЧЕТ ПО ПИКНИКУ.

Группа Рус. Рабочих г. Нью Гейвен совместно с итальянской группой устраивала пикник, 12-го июля 1936 г., валовой доход с которого составит 157 д. 65 с., а расходы — 98 д. 37 с.; чистой прибыли получено 59 д. 28 с.

Деньги распределены следующим образом: в пользу политзаключенным в СССР — 10 д., „Дело Труда" — 10 д., „Мэн" — 10 д., „Л'Адуната" — 10 д. Остаток в 19 д. 28 с. пойдет на местные нужды обоих групп и культурно-просветительную работу.

От имени Группы Рус. Рабочих комитет по устройству пикника выражает сердечную благодарность всем, посетившим пикник и способствовавшим его успеху.

Одновременно ГРР г. Нью Гейвена, Конн., доводит до сведения всех групп, рабочих организаций и отдельных товарищей штатов Коннектикут, Нью Йорк и Мэссачузетс, что другой пикник об'единенных групп состоится в воскресенье, **30 августа, 1936 г., в Моррис-Ков Парке, Нью Гейвен, Конн.**, в двух кварталах от купального пляжа, на берегу морского залива. Идеальное место для купанья, отдыха, солнечных ванн и веселого времяпрепровождения. Первоклассный оркестр музыки. Разнообразнейшие закуски и прохладительные напитки. Приглашаем всех.

Как попасть на пикник: для едущих трамваем — взять „Лайтхауз кар" и слезть на Борр стрит, а затем полквартала влево к месту пикника, а для автомобилистов — ехать по Вотер стрит, переходящий в Форбс авеню, до Борр стрит, а затем по улице Борр ехать по направлению к морю и после пересечения трамвайного пути свернуть влево к месту пикника. Подробности в афишах.

Комитет.

Отчет Редакционной Коллегии по изданию журнала „Дело Труда"

№ 91, Май-Июнь, 1936

ПРИХОД:

За проданные журналы поступило от групп: Филаделфия — 5.00; Юнгстаун, О. — 2.35; С.-Луис, Мо. — 5.70; Акрон, О. — 2.00; А. Бубрин, Детроит, Мич. (подписка) — 2.00; Я. Дубинский, Париж, Франция — 8.00; Д. Собко, Балтимора, Мд. — 4.50; Волков, Чикаго, Илл. — 3.50; К. Климович (подписка) — 1.00, Басалов (подписка) Граматиков (подписка) по 1.00 каждый; Дан, Кливланд, О. — 2.00; Союз Росийских Тружеников, Нью Йорк — 6.00; М. Воронович, Нью Гейвен — 1.00; К. Талан, Виндзор, Канада — 1.30; А. Луфаренко, Чикаго, Илл. 1.00; Г. Гарвей, Лос Анжелос — 1.00; Филадельфия — 5.00; Дубатовка, Акрон, О. — 2.00; Итого: 54.85.

В Фонд „Дела Труда" поступило от групп и отдельных товарищей: Нью Йорк — 17.00; Филадельфия — 8.70; Шумко, Юнгстаун — 5.00; К. М., Юнгстаун — 1.00; С.-Луис — 3.00; группа Акрона — 3.00; Союз Русских Рабочих Лос Анжелоса — 8.00; Г. Резанович, Монтреаль, Канада — 1.00; Бетлегем, лотерейные билеты — 5.00; Дан, Кливеланд — 5.00; М. Воронович, Нью Гейвен, Конн. — 4.00; А. Луфаренко, Чикаго, Илл. — 1.00; Ф. М., Эмбридж, Па. — 1.50; Филадельфия — 1.00; Коваленко, Детроит, Мич. — 5.00. Итого: 78.20.

На помощь заключенным анархистам в СССР: Зайцев, Гайланд Парк, Мич. — 1.00; Ф. М., Эмбридж, Па. — 0.50. Итого: 1.50.

За литературу: за „Наши Позиции" — 1.00; от группы Филадельфии — 3.30. Итого 4.30. **Общий приход 138.85.**

РАСХОД:

Экспедиция журнала — 8.60; типография—80.00; за перевод статей — 1.50; перевозка Сборника Кропоткина — 1.00, почтовые расходы — 1.00. Уплачено чл. за литературу — 2.00, фонду полит. закл. — 1.50. Итого: 105.60. Дифицит от прошлых номеров — 34.54. **Общий расход: 140.14.**

Общий приход	**138.85**
Общий расход	**140.14**
Дифицит	**1.29**

ПОЖЕРТВОВАНИЯ НА ИЗДАНИЕ ЗАПИСОК НЕСТОРА МАХНО.

Группой Медисон, Илл., собрано по подписному листу на издание записок Нестора Махно 16.25. Жертвовали следующие лица:

Общество Взаимопомощи г. С.-Луиса — 5.00, М. Хведченя — 2.00, Лукьянчук, Шурхай, Антонович, Тюшкевич, Сергеевич — по 1.00; Радивончик—0.75; Чупурка, Тутин, Ольшевский, Климович — по 0.50; Роштейн, Мацкевич, Борисюк, Ковалевич, Тарасевич, Якушевич — по 0.25. Всего — 16.25.

КЛИВЕЛАНД, Охайо.

В пользу "Д. Т." жертвовали. след. товарищи: Ю. С. - 1.25, Жур - 1.00, Г.П. - 1.00, Т. - 0.50, Ф. Д. - 1.25. Пожертвовано — 5.00. От продажи двух выпусков "Д. Т." выручено - 3.00

Всего высылаем вам — 8.00

Уваж. тов. Волков, — вторично посылаю 5 дол. за подписной лист и 4 за проданные жур. „Д. Т." Деньги по подписному листу отметьте так: Е. С. — 1.00, Ф. Д. — 1.00, Г. З. — 1.00, С. М. — 1.00, Ф. В — 1.00. Всего: 9.00.

С тов. приветом **Ф. Дан.**

ЧИКАГО, Илл.

По подписному листу №4 в пользу юбилейного издания "Д. Т." собрано 10.00. Жертвовали: А. Луференко - 2.00, С. Миллер - 1.75, Л. Скобликов, С. Володькин, Джо Коваль по 1.00, Ольга, П. Юркевич, В. Новик, Г. Ускович, Овод Луференко по 0.50, Л. Бащинский, В. М., И. Волков по 0.25. Всего 10.00.

Один из приемов христианской церкви, как д других религий, является старание держать человека в невежестве, так же как правительство старается держать его в неведении относительно его прав. Учение одного из них также ложно, как и учение другого и оба рассчитаны на взаимную поддержку.

Томас Пэйн.

Боритесь с милитаризмом — не покупайте японских и итальянских товаров.